

Адриан Топоров

МОЗАИКА

Из жизни писателей, художников,
композиторов,
артистов, ученых

Адриан Топоров

**Мозаика. Из жизни
писателей, художников,
композиторов, артистов, ученых**

«Издательские решения»

Топоров А.

Мозаика. Из жизни писателей, художников, композиторов, артистов, ученых / А. Топоров — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-538065-4

«Мозаика» — книга, в которой собраны любопытные факты из жизни учёных, писателей, художников, композиторов и артистов, — словом, великих людей мировой и российской науки и культуры. Она — результат многолетней работы автора, исследовавшего огромное количество научных, исторических, литературных и архивных источников. Книга рассчитана на учащихся культурологических специальностей высших учебных заведений; общеобразовательных, музыкальных, художественных школ, а также на широкий круг читателей.

ISBN 978-5-00-538065-4

© Топоров А.
© Издательские решения

Содержание

«Мозаика» Адриана Топорова	8
I	12
«УБИЙЦА» РЫЦАРСКИХ РОМАНОВ	12
ТЕАТРАЛЬНЫЙ ЗАКОНОДАТЕЛЬ	13
НАКАЗАННОЕ МИЛОСЕРДИЕ	14
КАК СЛУГА УЧИЛ СВИФТА	15
УРОК АККУРАТНОСТИ	16
САМАЯ КОРОТКАЯ РЕЦЕНЗИЯ	17
ЭПИДЕМИЯ САМОУБИЙСТВ	18
ГЁТЕ В ТЕАТРЕ	19
РУКУ – СОБРАТУ!	20
ПРЕВРАЩЕНИЕ МИЛЛИОНЕРА В НИЩЕГО	21
БАЛОВЕНЬ «ТЮРЬМЫ»	22
ПЕРЕД ЛИЦОМ ФЕМИДЫ	23
ОШИБКА «ГРАФОЛОГА»	24
ПАРИЖСКИЙ ОБОРВАНЕЦ	25
СКРОМНОСТЬ И ЩЕДРОСТЬ ВИКТОРА ГЮГО	26
ПАЛЬМОВАЯ ПАЛОЧКА АНДЕРСЕНА	27
МУКИ ТВОРЧЕСТВА	28
ОТВЕТ МАРКА ТВЕНА РЕПОРТЁРУ	29
«Я БЫЛА ПРИ ЭТОМ»	30
В СКУЧНОЙ ШКОЛЕ	31
ПУТЕШЕСТВИЕ НА АМАЗОНКУ	32
ДЕТСКИЕ ЗАБАВЫ МАРКА ТВЕНА	33
ПАРОДИИ МАРКА ТВЕНА	34
ЛЕКЦИИ МАРКА ТВЕНА	35
ЗАБРОШЕННЫЕ СОЧИНЕНИЯ МАРКА ТВЕНА	36
РЕПЛИКА БЕРНАРДА ШОУ	37
ДЕРЖАВИН С СОБАЧКОЙ ЗА ПАЗУХОЙ	38
К ДЕРЖАВИНУ	39
СУЩЕСТВЕННАЯ РАЗНИЦА	40
ЛИШНИЕ НУЛИ	41
ЛОСКУТКИ, ЛОСКУТКИ, ЛОСКУТКИ	42
ЗАПРЕТНЫЕ ЛИСТКИ	43
ПО РАССЕЯНОСТИ	44
МУДРЫЙ СОВЕТ	45
ОТЧЕГО ПЛАКАЛ ДЕДУШКА	46
ЯДОВИТЫЙ ОТВЕТ	47
КУПЛЕННЫЕ АПЛОДИСМЕНТЫ	48
ДАНЬ НАРОДНОМУ ПИСАТЕЛЮ	49
МИНИСТР-БАСНОПИСЕЦ	50
«ШАХ» ЗА ГРИБОЕДОВА	51
ПОДАРОК ГЁТЕ ПУШКИНУ	52
ИСКРЫ ОСТРОУМИЯ	53
ПОНЕДЕЛЬНИК ЛУЧШЕ ВТОРНИКА	54
ПУШКИН В МАЛОАРХАНГЕЛЬСКЕ	55

ФЕНОМЕНАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ	56
КТО ГЛУПЕЦ?	57
ЗОЛОТОЙ ФУТЛЯР НА НОГТЕ	58
«ВИШЬ, КАКОЙ-ТО ПУШКИН УБИТ»	59
ПЕРСТЕНЬ ПУШКИНА	60
«ЗОЛОТОЙ ВЕРБЛЮД»	61
КАНЦЕЛЯРСКИЙ АНЕКДОТ	62
«ЩЕКОТУРКА»	63
ПРИТВОРЯЕТСЯ	64
ПЕРЕСТРЕЛКА	65
ПЛАЧ ТУРГЕНЕВА О БАЗАРОВЕ	66
НЕ УДАЛОСЬ ЧОКНУТЬСЯ	67
ОБИДА	68
РАЗГОВОР ПРИ ПОМОЩИ АСПИДНОЙ ДОСКИ	69
ДВЕ ВСТРЕЧИ	70
ЦЕНА АКУЛЬКИ	71
НЕВЫГОДНЫЙ ЖИЛЕЦ	72
ПОЭМА, СОЗДАННАЯ ЗА ДВА ЧАСА	73
СЧАСТЬЕ ПОЭТА И ЧИНОВНИКА	74
ГРЕЧНЕВАЯ КАША	75
МЫШОНОК В ПОСТЕЛИ	76
ОПАСНАЯ ШУТКА	77
РУССКИЙ ОТЕЛЛО	78
КОРОВА ПОТЕРЯЛАСЬ	79
СЧАСТЬЕ ПЬЯНЧУГИ	80
СКВОЗЬ ЦЕНЗУРНЫЕ РОГАТКИ	81
ТАЛАНТЛИВАЯ ОТСЕБЯТИНА	82
СОВЕТ ОСТРОВСКОГО ГРАФОМАНУ	83
ЖЕМАННАЯ ДАМА	84
БЛАГОДАРНОСТЬ ЕЖЕДНЕВНО ОБЕДАЮЩЕГО	85
ИМПРОВИЗАЦИЯ ЧЕРНЫШЕВСКОГО	86
СЛЁЗЫ ЛЬВА ТОЛСТОГО	87
СТАРИК В ТУЛУПЕ	88
КРЫСЫ СТРАШНЕЕ ПУЛЬ	89
«ПОГОДИ, ДУШЕЧКА, РОЖАТЬ»	90
ПОШУТИЛИ	91
ВЕРХОМ НА ДЯДЕ СТЁПЕ	92
ПОЧЁТ ГЕНИЮ	93
КАЗНЬ КОМАРА	94
ОТКРОВЕННОСТЬ	95
РАЗГОВОР НА ВЫСОКУЮ ТЕМУ	96
ЗАГАДОЧНЫЕ ФАКТЫ	97
НЕУТОМИМЫЙ КНИГОИЗДАТЕЛЬ	98
УМНЫЙ КОТОФЕИЧ	99
ВЫШЕЛ, ПОМОЛЧАЛ И ВЕРНУЛСЯ	100
«СВЕЩА»	101
«КАПИТАЛ» МАРКСА В ТЮРЬМЕ	102
ЗЛАТОУСТ ОБМИШУЛИЛСЯ!	103
ВОРОНА-КОРОНА-КОРОВА	104

СПАСАЯСЬ ОТ ФОТОГРАФОВ	105
ЧРЕЗМЕРНАЯ ЩЕПЕТИЛЬНОСТЬ	106
ВЕЗДЕСУЩИЙ РЕПОРТЁР	107
ВРЕДНЫЕ ХИМИКАЛИИ	108
СОЖЖЕНИЕ КНИГИ «ТРУЩОБНЫЕ ЛЮДИ»	109
ВЫСТАВКА «ОСЛИНЫЙ ХВОСТ»	110
ХИТРЫЙ ЭКСИЛИБРИС	111
ЭКСПРОМТЫ	112
ДВЕ КОЧЕРГИ ДЯДИ ГИЛЯЯ	113
СИЛАЧ	114
ЗАПОНКИ ЧЕХОВА	115
СОЛЁНЫЙ АРБУЗ	116
«НОВОЯВЛЕННАЯ ЗВЕЗДА»	117
УБИЙСТВЕННАЯ РЕПЛИКА	118
РЕДКИЙ ПРИМЕР	119
УРОК, ПРЕПОДАННЫЙ НА БОКАХ	120
ЗАДИРА	121
СВЁРТОК ВЕРЕСАЕВА	122
ЛЕКЦИЯ ГОРЬКОГО О ТОЛСТОМ	123
«ДЕРЕВЯННЫЙ АЛЬБОМ»	124
КАК СОЗДАВАЛСЯ «ПОЕДИНОК»	125
ОКРАШЕННЫЙ ЖЕНИХ	126
СПИРИТИЧЕСКИЙ СЕАНС	127
ИНТЕРВЬЮ В БАНЕ	128
ДУРАК!	129
БУРНАЯ РЕАКЦИЯ НА КРИТИКУ	130
КУПРИНСКИЕ ПАРОДИИ	131
ЗАРАБОТАННЫЙ ДВУГРИВЕННЫЙ	132
ДОКТОРСКАЯ МАНТИЯ	133
ЧРЕЗМЕРНАЯ ЩЕПЕТИЛЬНОСТЬ	134
СВАДЬБА БЕЗ ЦВЕТОВ	135
ВСТРЕЧА ЗНАМЕНИТЫХ ЧУДАКОВ	136
МЕСТЬ ДИРЕКТОРУ	137
ХОРОВОЙ ОР	138
Конец ознакомительного фрагмента.	139

Мозаика
Из жизни писателей, художников,
композиторов, артистов, ученых

Адриан Топоров

Редактор Игорь Германович Топоров

© Адриан Топоров, 2021

ISBN 978-5-0053-8065-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Мозаика» Адриана Топорова

Топоров Адриан Митрофанович (1891 – 1984). Рис. С. П. Титова, отца космонавта – 2 Г. С. Титова, 1968 г. Государственный музей истории литературы, искусства и культуры Алтая.

«Мозаика» – плод увлеченности А. М. Топорова (1891 – 1984). Несколько слов об этом писателе, так как ныне его имя несколько подзабыто в сравнении, скажем, с 30-ми или 60-ми годами прошлого века. Вот только одно мнение о нём. Д. Г. Шеваров, литератор:

«Русские подвижники... Если бы вышла в свет энциклопедия с таким названием, то она не могла бы обойтись без имени Адриана Митрофановича Топорова»¹.

Он – выходец из беднейшей крестьянской семьи на Белгородчине. Просветительская работа А. М. Топорова началась в 1908 г. в глубокой российской провинции – в Курской губернии, затем он учительствовал в Барнауле, в селе Верх-Жилинское (ныне с. Верх-Жилино, Косихинский район, Алтайский край. – *И. Топоров*). Далее Адриан Митрофанович стал организатором коммуны «Майское утро». Именно из Верх-Жилинского двадцать мужиков, прихватив с собой баб и детей, ушли на пустырь, чтобы начать новую жизнь.

Э. Н. Горюхина, «Золотое перо России-2008», писала, что это был *«величайший социальный эксперимент, в основе которого лежала культурная составляющая выдающегося педагога Адриана Митрофановича Топорова. Подумать только, в 20-х годах на Алтае строились коровники по типу датских скотных дворов. Выписывались из-за границы экономические журналы»².*

Что еще сделал А. М. Топоров? Попробуем ничего не забыть. Высшее проявление просветительской миссии А. М. Топорова, конечно же, его преподавательская деятельность, далеко выходящая за рамки любой школьной программы. В итоге он стал одним из лучших педагогов страны, избирался делегатом Первого всесоюзного учительского съезда (1925 г.). Его фамилию зачастую упоминают в одном ряду с именами Я. А. Коменского, К. Д. Ушинского, А. С. Макаренко, В. А. Сухомлинского, а школу коммуны «Майское утро» иногда сравнивают с яснополянской школой Льва Николаевича Толстого³.

Кроме того, что в течение 20 лет А. М. Топоров учил детишек и обучал грамоте коммунаров, он создал в этом глухом краю богатейшую библиотеку, краеведческий музей и два народных театра: детский и взрослый. Коммунары ставили «На дне» А. М. Горького и «Дядю Ваню» А. П. Чехова, в репертуаре были Л. Н. Толстой, И. С. Тургенев, А. Н. Островский, Мольер и пр. Дело его рук также – хор и струнный оркестр, исполнявшие классические произведения. Невозможно в это поверить, но в коммунарской деревенской школе в первые тяжелейшие годы после гражданской войны одних только циммермановских скрипок было пятьдесят! И все до одной востребованы!

Но, разумеется, главное всё же то, что А. М. Топоров организовал читки художественной литературы. Крестьяне и их дети прослушали в блестящем актёрском исполнении молодого учителя сотни книг классиков и советских писателей – от Гомера до Метерлинка, от Пушкина и Толстого до Пастернака и Зощенко. Но не только прослушали: «Белинские в лаптях» (по выражению знаменитого журналиста-известинца Абрама Аграновского⁴) высказали о каждой из них свои оригинальные и глубокие замечания.

«Проглоти перо – лучше не скажешь» – так охарактеризовал эти критические пассажи писатель и пушкинист В. В. Вересаев⁵. Накопленный материал вылился в легендарную книгу

¹ Шеваров Д. Г. Стоявший прямо перед лицом страха // Первое сентября, 2005. – №79.

² Горюхина Э. Н. Рассвет, который потушили // Новая газета, 17.07.2008.

³ Нуйкин А. А. Страсти по Макаренко // «Народное образование», 2002, №5. Стр. 157—160

⁴ Аграновский А. Д. Генрих Гейне и Глафира // Известия, 07.11.1928.

⁵ Топоров А. М. Воспоминания. – Барнаул: Алтайское книжное издательство, 1970. – С. 83.

А. М. Топорова «Крестьяне о писателях» (1930 г.). Ей нет аналога в мире. Она сделала имя автора известным не только в СССР, но и далеко за его пределами: США, Австралия, Польша, Швейцария, Венгрия и пр. Книга была высоко оценена А. М. Горьким, П. М. Бицилли, К. И. Чуковским, А. В. Луначарским, Н. А. Рубакиным, А. Т. Твардовским, М. В. Исаковским, В. А. Сухомлиным, С. П. Залыгиным и др.

Как публицист, А. М. Топоров упомянут в серьёзных научных исследованиях. Он признавался лучшим селькором Алтая, его статьи печатались в более чем в 100 изданиях страны и за рубежом. А. М. Топоров известен также как библиовед, эсперантист, музыковед, языковед. В этих отраслях культуры и знаний он имел печатные работы, научные труды.

А. М. Топорову посвятил фильм «Майское утро» знаменитый кинодокументалист Р. П. Сергиенко, ученик великого А. П. Довженко (ЦСДФ, г. Москва, 1988). О нём написаны биографические и художественные книги, стихотворения. Произведения А. М. Топорова инсценировались. За определенную схожесть судеб, ГУЛАГовское прошлое, негибавшее мужество и литературный дар писателя называли «николаевским Солженицыным»⁶. В его честь и в связи с юбилеем выхода книги «Крестьяне о писателях» Институт мировой литературы РАН имени А. М. Горького в 2020 году провёл Международную научную конференцию «Читатель в русском литературном процессе XX века».

А лебединой песней А. М. Топорова стала книга «Мозаика». Это логическое завершение его просветительской миссии на земле, поскольку в литературном творчестве и в других сферах топоровской многосторонней деятельности ясно прослеживалось стремление использовать все возможности для широкого распространения в обществе научных знаний и реализации на практике заботы о сохранении и изучении культурного наследия.

А. М. Топоров говорил:

«Многие коллекционеры собирают картины, редкие книги, открытки, почтовые марки, металлические и бумажные деньги, трубки, портсигары, птичьи яйца, спичечные коробки, конфетные и мыльные обёртки и другие предметы, а я попытался собрать любопытные факты и эпизоды из жизни учёных, писателей, художников, композиторов, артистов театра, кино, цирка, словом, замечательных людей, создававших общечеловеческую культуру»⁷.

И добавлял:

«Я пытался представить героев эпизодов как живых людей в быту со всеми их личными особенностями, иногда странными, чудаческими. В моих миниатюрах нет ничего вымышленного. Все они извлечены из литературных источников и лишь сжато изложены мною»⁸.

Около десяти лет А. М. Топоров безвылазно провёл в библиотеках, разыскивая в старинной и современной ему литературе эти эпизоды. Сведенные вместе и преподанные в занимательной форме – эти, энциклопедические, на первый взгляд, материалы заиграли новыми красками. А. М. Топоров отчётливо понимал, что собранное им неизвестно большинству читателей, особенно молодежи, и безумно хотел увидеть эту книгу изданной.

Но не суждено было... «Мозаика» появилась на свет в киевском издательстве «Дніпро» лишь год спустя смерти автора (1985 г.), сравнительно небольшим для Советского Союза тиражом и в сильно усечённом варианте (примерно седьмая часть рукописи). Она почти сразу стала библиографической редкостью, обрела популярность, к примеру, среди участников чемпионатов Израиля, Германии, России, Украины по интеллектуальным играм («Что? Где? Когда?» и «Брейн-ринг»). Отдельные миниатюры из неё охотно печатают в различных альманахах, журналах, газетах и интернет-изданиях ряда стран бывшего Советского Союза.

⁶ Топоров Г. А. Николаевский Солженицын, или о чём рассказал архив. – Белгород: Константа, 2011.

⁷ Топоров А. М. Мозаика: из жизни писателей, художников, композиторов, артистов, учёных. – Киев: Дніпро, 1985. – С. 10.

⁸ Топоров А. М. Мозаика: из жизни писателей, художников, композиторов, артистов, учёных. – Киев: Дніпро, 1985. – С. 10.

А вниманию читателя предлагается уже 3-е и несколько откорректированное издание «Мозаики»⁹. Надеюсь, что новая публикация книги расширит представление думающей и читающей публики об одном из последних рыцарей культуры XX века Адриане Топорове, а также о блистательных героях его миниатюр.

Игорь Топоров

Портреты ВЕЛИКИХ. Фотоколлаж И. Г. Топорова, 2021.

⁹ 2-е издание «Мозаики» вышло в свет в издательстве «Нобель-пресс» (2013), а её продолжение «Мозаика 2» издано совсем недавно – в 2020 г. (изд. Ridero). – *И. Топоров.*

I

«УБИЙЦА» РЫЦАРСКИХ РОМАНОВ

В конце XVI – начале XVII веков рыцарские романы буквально заполнили умы всех грамотных людей Испании. Император Карл V зачитывался ими, а Филипп II даже на придворные торжества появлялся в одежде странствующего рыцаря.

Невысказанность сюжета, нелепые фантастические подвиги героев, невероятные приключения, волшебники, феи, огненные галеры, фальшивый, напыщенный язык таких произведений остро высмеял Сервантес (1547 – 1616) в романе «Дон Кихот», в котором одновременно воссоздана красочная и правдивая картина нравов, обычаев Испании XVI века.

После выхода в свет первой части «Дон Кихота» ни один рыцарский роман не был напечатан. Так могуча была сатирическая сила творения Сервантеса!

ТЕАТРАЛЬНЫЙ ЗАКОНОДАТЕЛЬ

В XVI – XVII веках испанский театр достиг своего расцвета. На вершине мировой драматургии ослепительно сияли имена Сервантеса, Кальдерона (1600 – 1681) и Лопе да Веги (1562 – 1635).

Приоритет принадлежал Лопе де Веге. Он написал 1500 пьес! Недаром Сервантес сказал о нём: «Появилось чудо природы – великий Лопе де Вега, который стал теперь единодержавным властелином сцены и обратил актеров в своих слуг, подчинив их всех своей верховной власти».

Авторитет законодателя театра был так велик, что даже знатнейшие особы и сам король Испании при встрече останавливали свои экипажи, чтобы приветствовать чудо-драматурга.

НАКАЗАННОЕ МИЛОСЕРДИЕ

Сервантес сидел за работой в своей маленькой квартире. Как вдруг четверо дюжих мужчин внесли молодого гидальго, из груди которого лилась кровь.

Писатель и его семья сделали всё, чтобы спасти страдальца. Но все их старанья оказались тщетными. Раненый умер. Явившиеся в квартиру власти, заподозрив Сервантеса в убийстве, арестовали его и дочь Изабеллу и заточили в тюрьму. На попытки писателя доказать свою невиновность полицейский чиновник заявил:

– Закон не разрешает частным лицам поднимать на улицах умирающих. Вы нарушили закон.

К счастью, власти разобрались в деле и освободили арестованных.

КАК СЛУГА УЧИЛ СВИФТА

Автор «Путешествия Гулливера» Джонатан Свифт (1667 – 1745) считал лакомством рыбу плевронект. Об этом проведал его поклонник и благодетель, лорд Темпле, который часто посылал писателю большие рыбины этого вида. Сатирик с неизменным удовольствием принимал подарки. Но никогда не давал «на чай» приносившему их слуге. Слуга обиделся. Один раз он принёс особенно большую рыбину и грубо, с недовольным видом подал её Свифту. Тот сию же минуту поднялся со стула, посадил на своё место слугу и стал поучать его:

– Друг мой, вы не знаете, как должно выполнять поручение. Я сейчас покажу вам это.

Писатель взял рыбину и медленно, почтительно зашагал к слуге:

– Господин мой, приветствую вас и прошу принять этот маленький подарок.

Слуга мгновенно вскочил со стула и, изображая господина, ответил:

– Я очень прошу сердечно поблагодарить вашего господина...

При этих словах слуга достал полкроны и сунул её в руку Свифта.

– Bravo! – вскрикнул сатирик. – Вы, оказывается, умнее, чем я думал! Вашу науку я запомню и уж больше не забуду о деньгах «на чай»!

УРОК АККУРАТНОСТИ

Нанимая служанок Джонатан Свифт всегда ставил им условия:

– В моём доме должно, прежде всего, следовать правилам: во-первых, закрывать за собой дверь, когда будете входить в комнату; во-вторых, закрывать дверь при выходе из комнаты.

Новая служанка попросила у хозяина позволения пойти на свадьбу её сестры.

– Пожалуйста! – согласился Свифт. – Я даже дам вам лошадь и слугу для сопровождения. Поезжайте!

Служанка, будучи вне себя от радости, выпорхнула из комнаты и... забыла закрыть дверь!

Спустя четверть часа после отъезда служанки Свифт распорядился седлать лошадь и послал на ней другого слугу, которому велел догнать виновницу и вернуть. И её вернули. Трепеща от страха, вошла она в кабинет своего господина:

– Что прикажете?

– Ничего больше, только закройте за собой дверь и снова поезжайте на свадьбу.

САМАЯ КОРОТКАЯ РЕЦЕНЗИЯ

Некий писатель дал Франсуа Мари Вольтеру (1694 – 1778) прочитать свое произведение. Возвращая рукопись, Вольтер сказал ему, что сделал в ней пометки. Автор, не найдя в рукописи никаких пометок, снова явился к Вольтеру.

– Смотрите мою пометку в конце произведения, – сказал критик. И действительно, единственной пометкой Вольтера было видоизмененное французское слово «Fin» (конец), написанное на последней странице рукописи самим автором. Вольтер зачеркнул в нем последнюю букву, а оставшаяся часть слова и выражала его оценку произведения – «Фи!».

ЭПИДЕМИЯ САМОУБИЙСТВ

После выхода в свет романа И.-В. Гёте (1749—1832) «Страдания молодого Вертера» по всей Европе прокатилась эпидемия самоубийств «от несчастной любви». Автор был крайне напуган этим явлением, так как считал себя его виновником.

Французская писательница Анна Луиза Сталь уверяла, что ни одна самая красивая женщина не обрекла на самоубийство столько людей, сколько гётевский Вертер.

ГЁТЕ В ТЕАТРЕ

Занимая пост директора Веймарского театра, Гёте написал для него много пьес. Кроме того, он учил и воспитывал актёров, изгонял диалектизм из их речи, развивал у них ясную дикцию и тонкий художественный вкус.

Поэт категорически запрещал ставить пьесы, в которых унижалось и оскорблялось достоинство евреев.

При этом он говорил актёрам:

– Постыдно выставлять на посмешище народ, проявивший себя выдающимися талантами в искусстве и науке.

РУКУ – СОБРАТУ!

Когда военный инженер, поэт, композитор, автор знаменитой «Марсельезы» Клод Жозеф Руже де Лиль (1760 – 1836) впал в бедность и был заключен в долговую тюрьму, Пьер Жан Беранже поспешил уплатить его долги. Беранже постоянно хлопотал о помощи то одному, то другому единомышленнику, попавшему в тяжёлое положение. И всегда сожалел лишь о том, что не мог сделать большего.

ПРЕВРАЩЕНИЕ МИЛЛИОНЕРА В НИЩЕГО

В XIX веке многие писатели Западной Европы были очень богаты. Вальтер Скотт (1771 – 1832) нажил 6 миллионов фунтов стерлингов. Подражая древним рыцарям, он соорудил себе замок в старинном шотландском стиле. Гербы кланов и свирепые львы украшали его башни и окна.

В этом замке был постоянно открыт роскошный стол для всех посетителей.

Писал В. Скотт много и невероятно быстро. В месяц, а то и за полмесяца, он сочинял толстый том и получал за него не менее 25 000 франков. Жажда наживы толкнула писателя на участие в спекуляциях его издателей. Он легкомысленно передал им свои бланковые подписи и не проверял их употребление. А так как его компаньоны были прожжёнными аферистами, то Вальтер Скотт скоро обанкротился и в возрасте 55 лет превратился из миллионера в нищего. Да еще имевшего долг в 117 000 фунтов стерлингов. Чтобы честно уплатить его, писатель творил с удесятерённой энергией. Но за 4 года сумел погасить только 70 000 фунтов. Истошив мозг непосильной работой, В. Скотт умер от паралича.

БАЛОВЕНЬ «ТЮРЬМЫ»

За антиправительственные песни Пьер Жан Беранже (1780 – 1857) посадили на три месяца в тюрьму. Это заключение он называл самым весёлым временем в его жизни. Вся Франция, за исключением махровых монархистов, выражала узнику своё глубокое уважение, оказывала моральную и материальную поддержку. Так что Беранже имел основание шутить:

– Тюрьма избаловала меня.

До «бесплатной казенной квартиры» он ютился в камерке без мебели. Зимой в ней стоял такой холод, что замерзала вода в умывальнике. А когда поэт писал, то кутался в старое одеяло.

Находясь в тюрьме, Беранже написал семь сатирических песен, за которые ему добавили два года заключения.

ПЕРЕД ЛИЦОМ ФЕМИДЫ

8 декабря 1821 года над Жаном Пьером Беранже состоялся королевский суд за 16 песен, в которых реакционеры увидели оскорбление монарха. С раннего утра все коридоры здания суда были заполнены зрителями. И судьи, и присяжные с трудом пробивались сквозь толпу. Жандарм не пропускал даже самого поэта. Беранже вынужден был воскликнуть:

– Господа! Я – подсудимый! Без меня не могут начать!..

Председатель суда и его советник пробрались к своим креслам через окно.

Присяжные приговорили поэта к трёхмесячному тюремному заключению и штрафу в 500 франков. А в зале суда в это время ходила по рукам его новая песня «Прощание с деревней», такая же революционная, как и те, за которые его только что осудили.

ОШИБКА «ГРАФОЛОГА»

Круг интересов французского писателя Оноре де Бальзака (1799 – 1850) был невероятно широк. Так, он увлекался даже костюмами и модами, описанию которых посвятил пространные сочинения «Физиология туалета», «Кодекс щеголя», «Искусство повязывать галстук», «Очерк нравов, изученных по перчаткам», «Словарь вывесок города Парижа» и многие другие.

Занимала Бальзака и графология – наука определения характера человека по его почерку. Это стало известно публике. И вот однажды к новоявленному «графологу» пришла пожилая женщина, подала ему исписанные ученические тетради и попросила предсказать будущее ребёнка по почерку. Бальзак, нахмутив брови, долго и внимательно рассматривал записи в тетрадях и, наконец, сказал:

- Ребёнок, написавший это, непоседлив, туп и ничего хорошего от него ожидать нельзя. В ответ на это «пророчество» женщина рассмеялась:
- О дорогой Бальзак, как же это вы не узнали своих собственных школьных тетрадей?!

ПАРИЖСКИЙ ОБОРВАНЕЦ

Оноре де Бальзак для более правдивого изображения всех современных ему социальных слоев постоянно вращался в их кругах. Очень часто он бродил по улицам и площадям Парижа, зорко наблюдая сцены и типы.

А чтобы его, уже знаменитого во всём мире писателя, никто не узнавал, он облачался в рубище оборванца и надевал на голову измятую и замызганную шляпу. В таком виде создатель «Человеческой комедии» мог свободно затеряться в уличной толпе, не привлекая особого внимания.

СКРОМНОСТЬ И ЩЕДРОСТЬ ВИКТОРА ГЮГО

Будучи всемирно известным писателем и обладателем большого состояния, В. Гюго (1802 – 1885) оставался крайне скромным в быту. Черновики сочинений он писал на попадавшихся под руку клочках бумаги, на визитных карточках, театральных афишах, плакатах, счетах, квитанциях и т. п. И делал это всегда гусиным пером, крупным почерком, почти без помарок. В Национальной французской библиотеке хранятся все его рукописи.

Перед смертью писатель просил похоронить его без всякой помпы, в простом сосновом гробу, как хоронят бедняков. Просьбу его выполнили: свезли прах в пантеон на убогой колеснице, на какой отправляли в последний путь всех угнетённых и отверженных, которых Гюго защищал всю его жизнь.

Из своего капитала поэт завещал миллион франков приюту, полтора миллиона – бедным.

ПАЛЬМОВАЯ ПАЛОЧКА АНДЕРСЕНА

Путешествуя по Шотландии, прославленный сказочник Ганс Христиан Андерсен (1805 – 1875) забыл в одном отеле свою любимую пальмовую палочку, купленную в Неаполе. Он спешил на пароход и, не имея времени вернуться, попросил своего знакомого переслать её ему в Данию.

Добравшись до Эдинбурга, Андерсен на другой день хотел уже отплыть в Лондон. Но за несколько минут до отплытия парохода кондуктор поезда, только прибывшего в Шотландию, подошел к писателю и, любезно улыбаясь, подал ему его заветную спутницу:

– Она отлично доехала одна.

К палочке была прикреплена дощечка с надписью: «Датскому писателю Гансу Христиану Андерсену».

Безмолвная «путешественница» много раз переходила из рук в руки, ехала на пароходе, в дилижансе и, наконец, в поезде – и всё же догнала своего хозяина.

Андерсен до слёз был тронут этим обстоятельством – свидетельством искренней любви к его творениям.

МУКИ ТВОРЧЕСТВА

Великие писатели остро переживают радости, страдания и смерть создаваемых ими персонажей. Часто эти переживания выражаются в тяжёлых психофизических заболеваниях.

Так, Гюстав Флобер (1821 – 1880) признавался в одном письме, что, описывая отравление Эммы Бовари (роман «Госпожа Бовари»), сам был отравлен, долго чувствовал во рту вкус мышьяка и дважды подряд имел самое реальное расстройство желудка.

ОТВЕТ МАРКА ТВЕНА РЕПОРТЁРУ

Первое драматическое произведение Марка Твена (1835 – 1910) «Полковник Селлерс» прошло на сценах Америки с шумным успехом. С того времени директора театров автору не давали покоя: просили написать новую пьесу.

Пробившийся к знаменитому юмористу репортёр сказал ему, что он слышал, будто писатель работает над большой пьесой.

– Как далеко продвинулась ваша работа? – задал вопрос репортёр.

– Вы можете сообщить в прессе, что я пишу драму из четырёх актов и трёх антрактов и что я уже закончил все три антракта.

«Я БЫЛА ПРИ ЭТОМ»

Биографы Марка Твена уверяют, что свой талант юмориста он получил по наследству от матери Джейн Клеменс, добродушной и всегда весёлой женщины.

Уже в престарелом возрасте ехала она в поезде. Её соседи по вагону заспорили о том, где родился Марк Твен – во Флориде или в Ганнибале. Джейн Клеменс вмешалась в спор и сообщила, что писатель появился на свет во Флориде. Другой спорщик твердил своё:

– Нет, Марк Твен родился в Ганнибале.

Чтобы прекратить дискуссию, старушка сказала:

– Я – его мать. Мне полагается знать, где он родился. Я была при этом...

В СКУЧНОЙ ШКОЛЕ

Восьмилетнего Марка Твена отдали учиться в школу Досона, где царила мертвечина, зубрёжка непонятных детям заданий. Поэтому ученики во время уроков занимались своими делами: обменивались ножичками, птичьими яйцами, рыболовными крючками и тому подобными вещами.

А Марк Твен и его приятель Боуэн придумали интересное развлечение. Разделив чертой грифельную доску пополам, они старались булавками перегнать вошь на половину соперника.

Застигнув игроков за этим спортом, Досон выпорол их.

ПУТЕШЕСТВИЕ НА АМАЗОНКУ

Начитавшись о сказочных богатствах в верховьях Амазонки, Марк Твен и его приятели решили отправиться туда. Но денег у них не было. Выручила счастливая случайность. Проходил Твен мимо одного дома, к которому ветром прибило бумажку. Это оказался банкнот в пятьдесят долларов!

И юные друзья пустились в путь к намеченной цели.

ДЕТСКИЕ ЗАБАВЫ МАРКА ТВЕНА

Марк Твен был атаманом мальчишек-проказников. Эта ватага раз спустила с горы огромный камень, который вдребезги расшиб мастерскую и едва не искалечил самого мастера...

Игра в войну и воровство фруктов в чужих садах были любимыми развлечениями компании Твена...

У него была какая-то болезненная страсть собирать по сотне кошек и возиться с ними. Однажды запала ему в голову затея учинить целое нашествие кошек в номера гостиницы. Жильцы вынуждены были убраться из беспокойного приюта.

ПАРОДИИ МАРКА ТВЕНА

На бесполезные схоластические задачки из школьной арифметики Твен писал злые пародии. Вот пример:

«Если восемь человек копали землю двенадцать дней и ничего не нашли, то сколько дней должны копать двадцать два человек, чтобы результаты их работы были вдвое более высокими?!»

ЛЕКЦИИ МАРКА ТВЕНА

В молодости Марк Твен изведаль многие работы и специальности. На службе его удачу нередко сменялись безработицей и поисками новых занятий.

В тридцатилетнем возрасте Марк Твен, по его словам, «опять сел на мель». И тогда он задумал, по примеру других юмористов, читать комические лекции. А чтобы привлечь на них публику, он составил несколько юмористических афиш. В одной из них говорилось, что «лектор Твен проиллюстрирует обычаи людоедов, проживавших раньше на Сандвичевых или Гавайских островах, посредством пожирания ребёнка на глазах у зрителей, если какая-нибудь дама любезно предоставит младенца для этой цели».

ЗАБРОШЕННЫЕ СОЧИНЕНИЯ МАРКА ТВЕНА

При жизни юмориста и сатирика Марка Твена не было опубликовано из его литературного наследия 15 тыс. страниц, что составило бы 12 или 14 печатных томов.

В США же выпущено в начале XX века 25-томное собрание сочинений Твена. Немного из заброшенных его творений было впервые напечатано только в 50-60-х годах. А тысячи страниц до сего дня не видели печатного станка...

РЕПЛИКА БЕРНАРДА ШОУ

Один московский театр поставил пьесу Бернарда Шоу (1856 – 1950). После спектакля зрители устроили полный триумф автору. Но шквал аплодисментов внезапно прорезал неистовый свист. Публика и актёры замерли в недоумении. Всех давило чувство досады и неловкости. Не смутился и не растерялся только автор пьесы.

Он вышел на авансцену, взглянул на галёрку, откуда доносился свист, и, смеясь, заговорил:

– Молодой человек, который только что свистел, мы с вами не знакомы, но я с вами совершенно согласен. Конечно, это не пьеса, а сплошной бред! Но что мы с вами вдвоём можем сделать с этим беснующимся залом?!

И на блестящую саркастическую реплику драматурга зал отозвался новой овацией!

ДЕРЖАВИН С СОБАЧКОЙ ЗА ПАЗУХОЙ

Гаврила Романович Державин (1743 – 1816) был гуманистом и филантропом. Одна безродная и бедная старушка приходила к нему за пособием. На руках у ней всегда сидела белая собачка Бибишка.

В морозный зимний день старушка приплелась к поэту окоченевшей. Получив очередное пособие, она начала слёзно молить Гаврилу Романовича – взять себе Бибишку. Он принял собачку, но с условием, чтобы старушка получала от него пенсию до самой её смерти.

С тех пор Гаврила Романович во время работы неизменно держал собачку за пазухой. А когда ложился отдыхать на диване, она сидела около него, напоминая о содеянном благодеянии, которое доставляло поэту великую радость.

* * *

Первая жена Гаврилы Романовича, Катерина Яковлевна, была красавицей, умницей и обладала тонким эстетическим вкусом. Она вдохновляла мужа на создание лучших его творений. Её смерть надолго повергла поэта в глубокую скорбь. Он даже изменился в характере.

Женившись вторично, он никогда не забывал Катерину Яковлевну. И не умел скрыть это от посторонних глаз. Часто за многолюдными обедами, шумными разговорами и спорами Гаврилы Романович замолкал, погружался в тяжёлое раздумье и чертил вилкой по тарелке вензель покойной «К. Д.». Это вошло в привычку.

Вторая супруга поэта, заметив его неуместное рисование и мечтание, задавала ему вопрос:

– Ганюша, а Ганюша, что это ты делаешь?!

– Так, ничего, матушка, – как бы проснувшись, отвечал поэт.

К ДЕРЖАВИНУ

В воспоминаниях о Г. Д. Державине А. С. Пушкин рассказывал и следующий эпизод.

Лицейсты преклонялись перед творцом философских и патриотических од. Ожидая его визит в лицей, воспитанники оного неимоверно волновались. Особенно Антон Дельвиг. Он вышел на лестницу, чтобы там первым встретить престарелого поэта и благоговейно приложиться к его руке.

Державин вошёл в сени, и Дельвиг услышал его прозаический вопрос к швейцару:

– Где, братец, здесь нужник?

Этот вопрос охладил восторг Дельвига, и он уже не стремился целовать руку певца Фелицы...

* * *

В связи с этим случаем вспоминается и другой.

В кругах советских филологов бытовало выражение «К Державину!». Оно – эвфемизм, т. е. заменитель неприличного выражения «В туалет!».

В пасмурный день зимой группа студентов Московского института истории, философии и литературы держала экзамен по теории поэтики у строгого профессора Дмитрия Николаевича Ушакова, редактора знаменитого четырёхтомного Толкового словаря русского языка. Профессор задавал студентам дополнительные вопросы о метафорах, эпитетах, омонимах, эвфемизмах и проч. Эти понятия многие студенты путали.

Дмитрий Николаевич был заметно недоволен ответами. Это он выражал позваниванием ложечки в стакане с чаем. Один юноша из ожидавших экзамена попросил разрешения выйти.

– Куда это? – раздраженно спросил профессор.

– К Державину! – ответил студент.

Мрачное лицо экзаменатора засияло

– Вы что, сознательно употребляете такое странное выражение?

Да, профессор, я употребил эвфемизм, чтобы прикрыть им одно неприглядное слово и стоящее за ним понятие.

Ушаков рассмеялся:

– Давайте свою зачётку и отправляйтесь, куда угодно!

И он поставил студенту пятёрку, так как убедился, что тот осилил раздел литературоведения о переносном значении слов и выражений.

А счастливый юноша убежал, ликуя от сознания, что ему так легко досталась высшая экзаменационная оценка – без экзамена!

СУЩЕСТВЕННАЯ РАЗНИЦА

Кроме комедий, Денис Иванович Фонвизин (1745 – 1792) писал сатирические стихи и эпиграммы. По всему Петербургу из уст в уста передавались его крылатые выражения. Например, его ответ на вопрос, какая разница между человеком и скотом, облетел всю Россию.

– Огромная! – отвечал сатирик. – Ведь скотина никогда человеком быть не может, а человек, особенно богатый и знатный, весьма часто скотиной становится.

ЛИШНИЕ НУЛИ

Иван Андреевич Крылов (1769 – 1844) снял квартиру в доме богатого скряги. В договоре между прочим значилось: а) жилец должен осторожно обращаться с огнём; б) если же дом сгорит по вине квартиранта, то последний обязуется уплатить хозяину 60 000 рублей ассигнациями.

Подписывая договор, Иван Андреевич прибавил к этой цифре два нуля. Удивленный домовладелец воскликнул:

– Помилуйте, Иван Андреевич! Шесть миллионов – это уж слишком!

– Не беспокойтесь... Для вас это хорошо и приятно, а для меня все равно, ибо я не в состоянии заплатить ни той, ни другой суммы...

ЛОСКУТКИ, ЛОСКУТКИ, ЛОСКУТКИ

И. А. Крылов писал свои бессмертные басни на лоскутках бумаги, которые часто измятыми носил в карманах. После его смерти множество таких лоскутков находили на чердаках квартир писателя.

В Петербургской публичной библиотеке хранятся сколотые булавкой лоскутки, вырванные из тетради. Эти лоскутки и составили богатейший материал для изучения творчества великого баснописца.

ЗАПРЕТНЫЕ ЛИСТКИ

Раз в кабинете В. А. Жуковского в Зимнем дворце собрались литераторы и некоторые высшие сановники.

И. А. Крылов стал что-то искать в бумагах хозяина, лежавших на столе. Кто-то спросил:

– Что вам надо, Иван Андреевич?

– Да вот какое обстоятельство: хочется закурить трубку. У себя дома я рву для этого первый попавшийся мне листок, а здесь так нельзя. Ведь здесь за каждый листок исписанной бумаги, если разорвёшь его, отвечай перед потомством.

ПО РАССЕЯНОСТИ

Как многие мудрые люди, И. А. Крылов был очень рассеян и потому нередко попадал в смешное положение. Случилось так, что, будучи в гостях, он, например, за обедом вытаскивал из кармана, вместо платка, чулок или чепчик, где-то захваченные им тоже по рассеянности.

Начинающие писатели, коих он не знал в лица, часто присылали ему свои книги с автографами. Подшучивая над ним, друзья указывали ему других лиц. Иван Андреевич подходил к ним и благодарил их за подарки. А узнав об ошибке, конфузился и просил прощения.

МУДРЫЙ СОВЕТ

И. А. Крылов безразлично относился к своей внешности. Как-то он впал в мрачное расположение духа. Близко знавшая его придворная дама спросила:

- Что с вами, дедушка?
- Да вот беда: надо ехать во дворец на маскарад, а я не знаю, как одеться...
- А вы бы, дедушка, помылись, побрились, оделись бы чистенько, – вас там бы никто и не узнал...

ОТЧЕГО ПЛАКАЛ ДЕДУШКА

Проходя по улице Петербурга, И. А. Крылов издали заметил, как за отгородкой, в садике у дома, играли дети. С ними была мать. Миновав этот дом, Крылов оглянулся и увидел, что мать поочередно поднимала детей над заборчиком и глазами указывала им на великого баснописца. Это тронуло его до слёз.

ЯДОВИТЫЙ ОТВЕТ

Два студента встретил И. А. Крылова на улице в Петербурге. Один из них, не зная баснописца в лицо, задумал посмеяться над ним, намекая на его грузную фигуру:

– Вот туча идёт!..

Услышав эту фразу, Крылов пробурчал:

– И лягушки заквакали...

КУПЛЕННЫЕ АПЛОДИСМЕНТЫ

В 20-х годах XIX века несколько петербургских писателей, а в их числе и И. А. Крылов, коллективно снимали дачу, где зачастую устраивали чтения для своих произведений. Члены сообщества дали Крылову прозвище «Соловей».

Современников баснописца был и графоман – граф Д. И. Хвостов, возомнивший себя настоящим поэтом. Он явился к литераторам на дачу и предложил им прочитать свои стихи, посвященные «Соловью» – Крылову. Графу сказали, что если он желает быть членом литературного кружка, то должен будет подчиняться его уставу. Писатели согласились слушать стихи Хвостова, но с условием: за каждое рукоплескание он обязан поставить бутылку шампанского. Условие было принято.

Граф читает... За каждой строфой, за каждым нелепым стихом гремят аплодисменты. Дорого обошлась тут Хвостову его графомания!

ДАНЬ НАРОДНОМУ ПИСАТЕЛЮ

Иван Андреевич Крылов вздумал купить себе дом в Петербурге, вблизи Тучкова моста. Но дом оказался ветхим, требующим капитального ремонта, хлопот и крупных затрат. Крылов махнул рукой на свою затею.

Прошло несколько дней. К нему явился богатый купец и говорит:

– Я слышал, батюшка Иван Андреевич, что вы хотите купить такой-то дом?

– Нет, уже раздумал.

– Отчего же?

– Где уж мне возиться с ним? Требуется много поправок, да и денег не хватает...

– А дом-то чрезвычайно выгоден! Позвольте мне, батюшка, устроить вам это дело!

В издержках сочтёмся.

– Да с какой же радости вы станете это делать для меня? Я вас совсем не знаю!

– Что вы меня не знаете – это не диво. А удивительно было бы, если бы кто-то из русских не знал Крылова. Позвольте и одному из них оказать вам небольшую услугу!..

И купец отремонтировал дом скоро, добротнo и дешёво...

* * *

В другой раз к баснописцу пришли два купца из Казани:

– Мы, батюшка Иван Андреевич, торгуем чаем и наравне со всеми казанцами вас любим и уважаем. Позвольте нам ежегодно снабжать вас лучшим чаем!

И они, действительно, сдержали своё обещание!

* * *

По поводу указанных случаев цензор А. В. Никитенко записал в своём «Дневнике» 22 октября 1844 года:

«Прекрасно! Дай Бог, чтобы подвиги ума ценились у нас не литературной кликой, а самим народом!..».

МИНИСТР-БАСНОПИСЕЦ

На похоронах И. А. Крылова 9 ноября 1844 года между прочими людьми были и писатель Н. В. Кукольник, и министр народного просвещения, реакционер С. С. Уваров, на груди которого сияли звёзды и кресты.

Какой-то провинциал спросил Кукольника:

- Покажите мне, где министр просвещения...
- В гробу, – сказал Кукольник, указывая на тело усопшего.
- А я думал, что министр – этот, в звёздах.
- Нет! То наш баснописец: он в отчётах своих пишет басни.

«ШАХ» ЗА ГРИБОЕДОВА

Более полтысячи лет тому назад в песках Центральной Азии был найден крупный (3 см) алмаз, известный в истории под названием «Шах». Он переходил из рук в руки князей, шахов, Великих Моголов, а в 1685 году очутился у французского коммерсанта, ювелира и путешественника Жана Батиста Тавернье. Побывал он и в сокровищницах Дели и Джаханабада.

В 1739 году шах персидский Надир, разгромив Дели, захватил этот алмаз.

Все владельцы редчайшего камня выгравировали на нём свои автографы.

После зверского растерзания А. С. Грибоедова (1795 – 1829) в Тегеране 11 февраля 1829 года – возмущённое русское общество требовало достойного возмездия Персии. Чтобы умиловить «белого царя» и утихомирить российский народ, сын шаха, принц Хосрев-мирза, передал России алмаз «Шах». Так была оценена жизнь великого комедиографа!..

В Бриллиантовой кладовой Зимнего дворца в Петербурге дивный камень охраняли часовые из гвардейских полков.

В начале войны 1914 – 1918 годов «Шах» в сундуке был отправлен в Москву. В тайниках Оружейной палаты его завалили тысячами сундуков и ящиков, наполненных драгоценностями.

При осмотре тайников Государственной комиссией в 1922 году знаменитый «Шах» был обнаружен завернутым в простую грубую бумажку.

ПОДАРОК ГЁТЕ ПУШКИНУ

Стихотворение А. С. Пушкина (1799 – 1837) «Сцена из Фауста» вполне оригинальное, хотя поэт и использует образы трагедии Гёте. Это своеобразный философский диалог Фауста и Мефистофеля, в котором учёный выражает своё разочарование во славе, любви, выносит суровый приговор бесплодной схоластической науке:

В глубоком знанье жизни нет-
Я проклял знаний ложный свет,
А слава... луч её случайный
Неуловим. Мирская честь
Бессмысленна как сон...

Василий Андреевич Жуковский, путешествуя в 1827 году по Германии, заехал в гости к Гёте. В беседе с ним немецкий поэт выразил восхищение русским вольным переводом «Сцены из Фауста» и попросил Жуковского передать Пушкину в знак благодарности перо, которым была написана бессмертная трагедия.

ИСКРЫ ОСТРОУМИЯ

А. С. Пушкин встретил в Московском английском клубе старика-баснописца Ивана Ивановича Дмитриева, бывшего тогда министром. Дмитриев спросил Пушкина:

– Не правда ли, Александр Сергеевич, какое странное сочетание слов в названии: Московский английский клуб?

Пушкин засмеялся:

– А есть ещё более странное, ваше превосходительство.

– Какое же?

– Императорское человеколюбивое общество...

ПОНЕДЕЛЬНИК ЛУЧШЕ ВТОРНИКА

Задержав выплату гонорара А. С. Пушкину за помещенную в журнале статью, хитрый издатель послал ему записку с вопросом:

«Скажите, Александр Сергеевич, когда Вы желаете получить деньги – в понедельник или во вторник, и все ли двести рублей прислать Вам сразу или сто?»

Пушкин ответил:

«Понедельник лучше вторника, а двести лучше ста».

ПУШКИН В МАЛОАРХАНГЕЛЬСКЕ

Александр Сергеевич Пушкин был проездом в уездном городке Малоархангельске, Орловской губернии.

Местные сплетники раззвонили, что в городок прибыл столичный ревизор по поручению царя. А так как в городке не было гостиницы, то уставший в дороге поэт остановился на постоялом дворе. Городские власти испугались приезда высокого начальства. С раннего утра они в полном составе, в мундирах и при орденах, во главе с городничим А. А. Сквозником-Дмухановским, явились на постоялый двор, чтобы представиться ревизору.

Утомлённый с дороги Александр Сергеевич проснулся в дурном расположении духа. Услышал за стеной тревожный шёпот и спросил о нём слугу. Тот доложил. Пушкин сильно рассердился и крикнул:

– Гони их в шею!

Этот грозный окрик заставил чиновников мгновенно исчезнуть. Напившись чаю, Александр Сергеевич уехал из городка. А чиновники ликовали и поздравляли друг друга с миновавшей бедой...

Как известно, поэт рассказал малоархангельский эпизод Н. В. Гоголю, послуживший ему зерном, из которого выросла бессмертная комедия «Ревизор». В ней сохранена даже подлинная фамилия городничего Сквозника-Дмухановского.

ФЕНОМЕНАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ

Ею обладал брат Александра Сергеевича Пушкина – Лев Сергеевич. Нередко он удивлял своих многочисленных гостей, медленно прочитывая целые страницы прозы, а затем повторяя их наизусть.

Память Льва Сергеевича сыграла спасительную роль в судьбе 5-й главы «Евгения Онегина». Вот как это было.

Крайне нуждаясь в деньгах, Пушкин поехал из Москвы в Петербург, чтобы отдать новую главу в печать. Но в дороге потерял рукопись, а черновик был уничтожен.

Поэт послал Льву Сергеевичу на Кавказ письмо, рассказав о случившемся. И вскоре получил ответ – три листочка бумаги, на которых мельчайшим бисерным почерком был воспроизведен текст потерянной главы с точностью до последней запятой. А ведь Лев Сергеевич лишь один раз слышал эту главу в чтении автора да ещё раз прочёл её сам.

КТО ГЛУПЕЦ?

В петербургском театре шла опера. Главную партию пел знаменитый бас – Осип Афанасьевич Петров. Некто, сидевший рядом с А. С. Пушкиным, всё время скверно подпевал артисту. Поэт не выдержал и довольно громко сказал:

– Что за глупец? Мешает слушать!

«Подпевала» обратился к Александру Сергеевичу:

– Позвольте, милостивый государь, спросить: кого вы называете глупцом?

– Конечно, артиста Петрова, так как он лишает меня удовольствия вас слушать.

ЗОЛОТОЙ ФУТЛЯР НА НОГТЕ

А. С. Пушкин отрастил себе длинный ноготь на пальце одной руки. А чтобы этот ноготь не сломался, поэт надевал на него золотой футляр.

«ВИШЬ, КАКОЙ-ТО ПУШКИН УБИТ»

Либеральный цензор Александр Васильевич Никитенко в своём «Дневнике» 12 февраля 1837 года записал:

«Дня через три после отпевания Пушкина увезли тайком его в деревню Жена моя возвращалась из Могилёва и на одной станции неподалёку от Петербурга увидела простую телегу, на телеге солому, под соломой гроб, обёрнутый рогожей. Три жандарма суетились на почтовом дворе, хлопотали о том, чтобы скорее перепрячь курьерских лошадей и скакать дальше с гробом.

– Что это такое? – спросила моя жена у одного из находившихся здесь крестьян.

– А Бог его знает что! Вишь, какой-то Пушкин убит – и его мчат на почтовых в рогоже и соломе, прости, Господи, как собаку!..

Мера запрещения относительно того, чтобы о Пушкине ничего не писать, продолжается...».

ПЕРСТЕНЬ ПУШКИНА

А. С. Пушкин скончался на руках у В. И. Даля. Последние слова поэта: «Жизнь кончена», – слышал только Даль.

На память о Пушкине у него остался перстень с темно-зелёным камнем и простреленный чёрный сюртук с маленькой дыркой – следом от пули убийцы поэта.

Перстень Пушкина был для Даля талисманом. При взгляде на него у Владимира Ивановича, по его признанию, «руки тянулись к перу»...

«ЗОЛОТОЙ ВЕРБЛЮД»

Владимир Иванович Даль (1801 – 1872) уже десять лет собирал слова, когда вспыхнула русско-турецкая война. К этому времени у него собралось несколько тюков собранного материала, с которыми он не расставался.

Русское командование перед войной закупило несколько тысяч верблюдов. Даль служил в армии врачом, и ему выделили верблюда, на которого он и навьючил свои сокровища.

В сражении под Адрианополем этот верблюд, именуемый лексикографом «золотым», пропал.

К счастью, случилось непредвиденное: русские казаки отбили у турок «золотого» верблюда. Все тюки сохранились в целости. Владимир Иванович, не помня себя от радости, целовал морду своего двугорбого друга...

КАНЦЕЛЯРСКИЙ АНЕКДОТ

В компании, где был и Н. В. Гоголь (1809—1852), рассказали канцелярский анекдот о бедном чиновнике, который был рьяным охотником. Много лет он работал до изнурения, чтобы скопить деньги на покупку ружья. Наконец приобрёл желанный предмет. Поплыл на лодке по Финскому заливу за добычей. Драгоценное ружьё положил на нос лодки. Пробиваясь по густому тростнику, счастливцев на минуту забыл про него. Глянул на нос лодки – ружья нет. Тростник стянул его в воду. Поиски ни к чему не привели.

Убитый горем, чиновник вернулся домой и надолго слёг в постель. Товарищи устроили складчину и купили пострадавшему новое ружьё. Позже чиновник всегда с ужасом вспоминал о потере...

Компания посмеялась над этим чиновником, а Н. В. Гоголь слушал анекдот в глубокой задумчивости. И вскоре появилась «Шинель» – родоначальница русской художественной литературы о «маленьком человеке»...

«ЩЕКОТУРКА»

Первую часть «Мёртвых душ» автор – Н. В. Гоголь писал в Риме. Он диктовал текст, а записывал его П. В. Анненков. В одной фразе Гоголь употребил слово «щекотурка». Секретарь исправил его на «штукатурка». Николай Васильевич спросил:

– Отчего так?

– Да, кажется, правильно будет.

Гоголь быстро подошёл к книжному шкафу, вынул из него словарь и, убедившись, что Анненков прав, сказал ему:

– За науку спасибо!

ПРИТВОРЯЕТСЯ

Иван Николаевич Гончаров (1812 – 1891) напрасно обвинил И. С. Тургенева в том, что он якобы позаимствовал из «Обыкновенной истории» многие образы для романа «Дворянское гнездо».

Как ни убеждали Гончарова в его ошибке, он упрямо стоял на своём, считая Тургенева хитрецом. Даже при получении известия о кончине Ивана Сергеевича автор «Обломова» бросил:

– Притворяется!

ПЕРЕСТРЕЛКА

Будучи студентом Московского университета, Михаил Юрьевич Лермонтов (1814 – 1841) увлекался литературой, историей, языками и искусствами. Недолюбливал лекции по зоологии и редко посещал их. Профессор, читавший курс этой науки, вздумал публично уколоть остротой нерадивого студента.

Несколько запоздав на очередную лекцию по зоологии, Михаил Юрьевич тихонько вошёл в аудиторию и стал у двери. Профессор, заметив это, нарочито повышенным тоном продолжал:

– Теперь мы перейдём к ослу...

При этих словах он обратился к Лермонтову:

– Садитесь, пожалуйста.

Поняв насмешку профессора, поэт отпарировал:

– Благодарю вас: я могу слушать осла стоя.

ПЛАЧ ТУРГЕНЕВА О БАЗАРОВЕ

Описывая смерть Базарова, Иван Сергеевич Тургенев (1818 – 1883) не мог удержать слёз...

А перед своей смертью в Бужевиле (Франция) он просил прислать ему сиреневый цветок из родного села Спасского...

НЕ УДАЛОСЬ ЧОКНУТЬСЯ

В 1880 году в Москве состоялось открытие памятника А. С. Пушкину. На торжественном обеде среди многих гостей присутствовали И. С. Тургенев и крайне реакционный монархист, редактор «Московских ведомостей» и журнала «Русский вестник» М. Н. Катков.

Автор «Записок охотника» не протянул ему свой бокал. А когда Катков вторично попытался чокнуться с Тургеневым, тот рукой прикрыл свой бокал.

ОБИДА

Негодую на мораль, приделанную французским переводчиком к повести «Первая любовь», И. С. Тургенев восклицал:

– Такое переделывание мыслей совсем не в моей натуре; они напоминают мне кудахтанье курицы после того, как она снесла яйцо.

РАЗГОВОР ПРИ ПОМОЩИ АСПИДНОЙ ДОСКИ

В 1858 году Иван Сергеевич Тургенев заболел сильным бронхитом. Врачи запретили ему говорить и читать вслух. Но Тургенев хотел познакомить друзей-писателей с новым своим произведением. Предстоял обмен мнениями. Чтобы не нарушить предписание врачей, Иван Сергеевич писал свои реплики и пространные высказывания на аспидной доске. И так наловчился делать это, что собеседование прошло без запинки.

ДВЕ ВСТРЕЧИ

Александр Фёдорович Кони представил в суде одному именитому сановнику Ивана Сергеевича Тургенева, когда романист был уже известен всему миру. Протянув руку сановнику, Тургенев назвал свою фамилию. Вельможа небрежно процедил:

– Гм... Тургенев? Это не вы были председателем казённой палаты в Омске?

– Нет, никогда не был.

Гм... А я слышал об одном Тургеневе, который был председателем казённой палаты...

Судейский чиновник шепнул чванливому бюрократу:

– Ваше превосходительство, это наш известный писатель Иван Сергеевич Тургенев.

– Гм... Писатель?! Не знаю, не слышал...

И высокопоставленный невежда, не обращая внимания на Тургенева, заговорил с каким-то работником суда.

ЦЕНА АКУЛЬКИ

Мать великого русского писателя Ивана Сергеевича Тургенева, Варвара Петровна, как известно, зверски обращалась с крепостными крестьянами. Все грамотные люди помнят страшный тургеневский рассказ «Муму». Героиня его – портрет Варвары Петровны.

В фамильном архиве орловских помещиков Юрасовских, соседей Тургеневых по селу Лутовинову, сохранилась купчая крепость на продажу им Варварой Петровной девки-пяличницы Акулины Егоровой, которая «осмелилась произвести на свет ребёнка»... Эта дерзость привела в бешенство Варвару Петровну, она выгнала девку из дому и продала Юрасовским за «десять рублёв» ассигнациями, т. е. бумажными деньгами, которые равнялись примерно 3,5 рубля серебром. Такова была цена талантливой рукодельницы!

Акулина оказалась прекрасной женщиной. Помещица Юрасовская перед своей смертью завещала ей денежное вознаграждение. А судьба «приблудной дочери» Акулины осталась неизвестной...

НЕВЫГОДНЫЙ ЖИЛЕЦ

В начале своей самостоятельной жизни в Петербурге Николай Алексеевич Некрасов (1821 – 1878) бедствовал. Задолжал квартирной хозяйке. Чтобы избавиться от невыгодного жилья, она убрала из занятой им комнаты всю мебель.

Целую неделю поэт спал на голом полу. Подушкой служило ему пальто. Писал на подоконнике, стоя перед ним на коленях. А когда сильно уставал, то отдыхал, растянувшись на полу...

ПОЭМА, СОЗДАННАЯ ЗА ДВА ЧАСА

Истерзанный ежедневной борьбой с цензорами, Н. А. Некрасов как-то впал в хандру. Целый день ничего не ел, никого не принимал.

Его жена случайно увидела, как к парадному подъезду дома, где жил министр государственных имуществ, подошли крестьяне-ходоки. Вероятно, с прошением. Швейцар прогнал их. Они укрылись за выступом подъезда. Жена Некрасова сказала ему об этом. Некрасов глянул в окно как раз в тот момент, когда городской и дворники прогоняли крестьян от парадного подъезда. Вздвигнутый поэт быстро стал писать. А через два часа прочел поэму «Размышления у парадного подъезда».

СЧАСТЬЕ ПОЭТА И ЧИНОВНИКА

Написанный в Петропавловской крепости роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?» прошёл много цензур. Получив его рукопись, несказанно обрадованный Н. А. Некрасов опростометью помчался в типографию, где печатался журнал «Современник». Но вскоре поэт вернулся домой и тревожно объявил жене:

– Со мной случилось большое несчастье: я потерял рукопись...

Черновика рукописи не было: Чернышевский всегда писал прямо набело. На следующий день Н. А. Некрасов объявил в «Полицейских ведомостях» о потере рукописи. Указал улицы, на которых это могло случиться. Обещал нашедшему 50 рублей.

К нему явился бедный, невзрачный чиновник, недавно уволенный со службы по сокращению штатов, и сказал, что он нашёл рукопись.

– Где же рукопись? – нетерпеливо спросил Некрасов.

– Дома... Я пришёл только...

Некрасов прервал его:

– Скорей поезжайте за ней, скорей!

И сунул чиновнику в руку 50 рублей на извозчика.

Находка была немедленно доставлена. Некрасов дал чиновнику еще 50 рублей. Тот сиял от радости: ведь он никогда не имел столько денег. И попытался было вернуть поэту прежние 50 рублей, поскольку жил рядом.

– Оставьте их у себя! – сказал Николай Алексеевич. – У вас есть дети?

– Много-с!..

– Это им от меня на игрушки.

И были бесконечно счастливы – и поэт, и чиновник...

ГРЕЧНЕВАЯ КАША

Цензорские рогатки вынуждали прогрессивных редакторов и издателей при царизме изодраться в изыскании средств и способов обмана и обхода блюстителей политической благонадежности литературы. В этом тяжёлом искусстве некоторые редакторы доходили до курьёзной виртуозности.

Н. А. Некрасов, как издатель и редактор «Современника», находился под особенно бдительным наблюдением царских церберов. Проведал он, что его цензор – страстный любитель гречневой каши, что она действует на него магически. Под её влиянием старик весь уходил в наслаждение пищеварением, делался мягким, сговорчивым, ничего не соображал, подписывал корректуры, почти не читая их.

Поэт подкупил кухарку цензора, – и та ставила на обеденный стол хозяина гречневую кашу в тот день, когда ему предстояло чтение корректур для «Современника».

Так гречневая каша играла благодетельную роль в судьбах русской литературы XIX века.

МЫШОНОК В ПОСТЕЛИ

Фёдор Михайлович Достоевский (1821 – 1881) утром 1 апреля 1875 года вышел из своей спальни мрачный. Жена, Анна Григорьевна, тревожно спросила его о здоровье.

– Здоров, но случилась досадная история: у меня в постели оказался мышонок. Я проснулся, почувствовал, что что-то пробежало по ноге, откинул одеяло и увидел мышонка. Так было противно! Надо бы поискать его в постели.

Анна Григорьевна позвала горничную, кухарку. Сообща они перетрясли всю постель, сменили на ней бельё, – ничего не нашли. Отодвинули от стен столы, этажерки, диван, стулья – нет мышиной норки!

Фёдор Михайлович попросил жену зайти к нему в столовую.

– Ну, что, нашли мышонка? – брезгливо спросил он.

– Где его найдёшь? Убежал. Но страннее всего, что в спальне не оказалось никакой лазейки, очевидно, забежал из передней.

А Фёдор Михайлович стоял и весело улыбался:

– Первое апреля, Анечка, первое апреля!

И все долго смеялись над его шуткой, вспомнив, что первое апреля – обманный день.

ОПАСНАЯ ШУТКА

Фёдор Михайлович Достоевский высоко ценил литературный талант Софьи Ивановны Смирновой. В «Отечественных записках» напечатали её роман «Силы характера». Писатель хотел непременно прочесть его. Анна Григорьевна принесла ему номер журнала с этим романом. Но сама наперёд прочла его.

Герой произведения Смирновой – ужасный ревнивец. Некий негодяй послал ему анонимное письмо, в котором рассказал, будто жена этого ревнивца ставит ему рога, носит на груди в медальоне портрет любовника и проч.

Анна Григорьевна, уверенная в том, что Фёдор Михайлович тоже уже познакомился с романом Смирновой, вздумала пошутить, чтобы потом посмеяться вместе с ним.

Изменив свой почерк и имя, отчество адресата, она переписала из романа письмо анонима и послала его по почте на имя мужа.

На следующий день, пообедав, Достоевский ушел в свой кабинет читать корреспонденцию. Минут через десять вошла к нему Анна Григорьевна, чтобы посмотреть, какое впечатление произвело на него письмо «анонима».

Фёдор Михайлович, насупившись, тяжёлыми шагами грохал по комнате, бросал свирепые взгляды на жену, наконец, остановился перед её лицом и грозно повёл допрос:

- Ты носишь медальон?
- Ношу.
- Покажи мне его!
- Зачем? Ведь ты его много раз видел.
- По – ка – жи ме – даль – он!!

Последнюю реплику Фёдор Михайлович рявкнул во весь голос. Анна Григорьевна поняла, что дело пахнет не шуткой. И начала торопливо расстёгивать ворот платья. Фёдор Михайлович, разъярившись, рванул цепочку с шеи жены. Она порвалась, и медальон был в руках мужа. Он открыл его и увидел в нём портреты – свой и дочки Любочки.

– Ну что, нашёл? – спросила Анна Григорьевна. – Федя, глупый ты мой, как мог ты поверить анонимному письму?!

- А ты откуда знаешь об анонимном письме?
- Как откуда? Да я тебе сама его послала.
- Как сама послала? Что ты говоришь? Это невероятно!
- А я тебе сейчас докажу!

И Анна Григорьевна принесла ему листки, на которых она упражнялась в изменении почерка.

- И ты сама сочинила это письмо? – продолжал допытываться Фёдор Михайлович.
- Да и не сочиняла вовсе. Просто списала его из романа Софьи Ивановны. Ведь ты его вчера читал. Я думала, что ты сразу догадаешься.
- Ну, где же тут вспомнить! Не понимаю только, зачем ты его мне послала?
- Просто хотела пошутить.
- Разве возможны такие шутки? Ведь я измучился в эти полчаса.
- Кто тебя знал, что ты у меня такой Отелло и, ничего не рассудив, полезешь на стену!
- В таких случаях не рассуждают. Вот и видно, что ты не испытала истинной любви и истинной ревности. Ты всё смеёшься, а подумай, какое могло бы произойти несчастье. Ведь я в гневе мог задушить тебя! Умоляю тебя, не шути такими вещами. В ярости я за себя не отвечаю.

На шее Анны Григорьевны осталась кровавая царапина.

Фёдор Михайлович горячо каялся в своём поступке и просил у жены прощения.

РУССКИЙ ОТЕЛЛО

Фёдор Михайлович Достоевский артистически читал художественные произведения. Его охотно приглашали выступать на литературных вечерах, куда он отправлялся со своим «верным оруженосцем», женой Анной Григорьевной. Но и на этих вечерах сказывалась страшная черта характера писателя – ревнивость.

Многие литераторы, по принятому этикету, целовали руку Анны Григорьевны, а Достоевский не терпел этого. И после допекал жену придирками, подозрениями. На литературных вечерах Фёдор Михайлович перед выходом на сцену находился в комнате для чтецов. Он то и дело наблюдал из-за кулис, с кем рядом сидит и разговаривает в зале его жена. А то по несколько раз посылал в зал распорядителя узнать об этом.

Выйдя на сцену для чтения, Достоевский сначала долго шарил глазами по залу, ища жену. Чтобы избавить его от этих поисков, Анна Григорьевна нарочито садилась на видном месте или привставала и отирала лоб белым платком.

Мужнина слежка надоела ей. Она заявила ему дорогой на новый вечер:

– Знаешь, дорогой мой, если ты сегодня будешь так всматриваться и меня разыскивать среди публики, то, даю слово, я поднимусь с места и мимо эстрады выйду из зала.

– А я спрыгну с эстрады и побегу за тобой узнавать, не случилось ли чего с тобой и куда ты ушла.

КОРОВА ПОТЕРЯЛАСЬ

Семья Фёдора Михайловича Достоевского лето обычно проводила в собственном домике в Старой Руссе. На этот сезон писатель брал корову у кого-либо из местных крестьян как бы в аренду. Хозяин уж знал, что осенью он обратно получит вместо тощей – откормленную скотину да еще 10—15 рублей.

Ф. М. Достоевский был нежнейшим семьянином и рачительным домоводом. Детей любил безгранично.

Случилось, что как-то вечером корова не вернулась с поля. Все взрослые члены семьи пошли искать её. Пошёл и Фёдор Михайлович. Он спрашивал всех встречных:

– Тётка, не встречала ли бурую корову?

– Паренёк, не видал тут бурую корову?

Литературные друзья Фёдора Михайловича диву давались: как это прославленный на весь белый свет писатель, поднимающий и решающий глубочайшие философские, социальные и психологические проблемы, может заниматься такой обыденной прозой, как поиски коровы?!

А необъятная душа Достоевского, видимо, вмещала всё человеческое.

СЧАСТЬЕ ПЬЯНЧУГИ

В марте 1879 года Фёдор Михайлович Достоевский проходил по Николаевской улице Петербурга. Неизвестный датрыга нагнал его и так сильно ударил по затылку, что писатель рухнул на мостовую и расшиб себе лицо в кровь. Собралась толпа. Городовой составил протокол о происшествии. Пьяницу схватили и отправили в участок. Пригласили туда и Фёдора Михайловича. На допросе он умолял полицейского офицера освободить виновного, которого он, потерпевший, прощает.

Но так как об избиении известного писателя в газете напечатали заметку, протокол полиции передали в суд. На разборе дела ответчик, крестьянин Фёдор Андреев признался, что был «зело выпимши и только слегка дотронулся до барина, который от этого с ног свалился».

Фёдор Михайлович и тут заявил, что прощает обидчика и просил мирового судью не наказывать крестьянина. Судья принял во внимание просьбу писателя и только оштрафовал Андреева на 16 рублей «за произведение шума» – с заменой штрафа 4-х дневным арестом.

У подъезда судебной камеры Федор Михайлович дождался осуждённого и вручил ему 16 рублей на уплату штрафа.

СКВОЗЬ ЦЕНЗУРНЫЕ РОГАТКИ

Начальник III отделения генерал А. Л. Потапов запретил постановку пьес «Воспитанница» А. Н. Островского, «Нахлебник» И. С. Тургенева. Но вскоре он ушёл со своего поста. Его обязанности временно исполнял генерал И. В. Анненков, брат известного литературного критика и мемуариста Павла Васильевича Анненкова.

П. В. Анненков, как друг Тургенева, попросил брата разрешить представление его комедии. Новый цензор ответил:

– С удовольствием! И не только эту, а и те пьесы, которые ты признаешь нужными. Только присылай поскорее, потому что на этом месте я останусь недолго.

Павел Васильевич послал брату несколько пьес, среди которых были и «Воспитанница», и «Нахлебник». Так многие запрещенные ранее пьесы увидели сцену.

ТАЛАНТЛИВАЯ ОТСЕБЯТИНА

Артист В. Н. Андреев-Бурлак талантливо исполнял роль Счастливецва в пьесе А. Н. Островского «Лес». Но имел слабость подменять авторский текст своим.

Узнал об этом Островский (1823 – 1886) и пожелал лично ознакомиться с Андреевым-Бурлаком. На очередном представлении «Леса» автор был восхищен игрой этого артиста. В антракте драматург зашёл к нему за кулисы:

– Замечательно!.. Это замечательно!.. Только знаете что? Я этого никогда не писал... Но замечательно! Всё замечательно!

И разрешил артисту внести в текст пьесы отсебятину, которая была потом воспринята многими исполнителями этой роли.

СОВЕТ ОСТРОВСКОГО ГРАФОМАНУ

Бездарный молодой человек осаждал Александра Николаевича Островского просьбами о советах, как сделаться драматургом. Островский убеждал докучливого посетителя:

– Ждите удобного случая. Это само свыше налетит. Ждите очереди.

Через некоторое время графоман принёс Островскому свою комедию. Драматург прочёл её и забраковал. Но, пожалев неудачника, порекомендовал ему:

– Займитесь чем-нибудь другим.

– Да чем же? Я, ей Богу, не знаю...

– Женитесь, что ли, – пошутил Александр Николаевич.

Спустя два месяца молодой автор снова пришёл к нему:

– Я исполнил ваше приказание.

– Что такое?! Объясните толком – я вас не понимаю!

– Вы мне велели жениться – я женился!!

– Ну, и что ж, я поздравляю. Дай Бог вам счастья!

– Прочтите мою новую пьеску!

– Вот те раз! Да я ведь вам советовал жениться нарочно, чтобы отлечь вас от писательства, а вы всё-таки продолжаете стремиться к литературе.

– А я думал, что вы заставляете меня жениться, чтобы у меня лучше пьесы выходили.

– Ну, уж коли вы так рассудили, то делайте, что знаете, а мне некогда читать ваши пьесы...

Извините...

ЖЕМАННАЯ ДАМА

На банкете у тверского вице-губернатора присутствовал и Михаил Ефграфович Салтыков-Щедрин (1826 – 1889). Рядом с ним за столом сидела жеманная, нарядная, сверкающая бриллиантами дама. Взглянув на суровое лицо сатирика, она испугалась, хихикнула и, прикрыв лицо веером, пропищала:

– Ах, Михаил Ефграфович, не смотрите на меня: я боюсь, что вы будете меня изучать, а потом опишите.

Салтыков-Щедрин успокоил её:

– Для вас я безопасен.

А потом шепнул соседке, сидевшей по другую сторону от него:

– Таких и изучать не надо: их глупость видна с первого взгляда.

БЛАГОДАРНОСТЬ ЕЖЕДНЕВНО ОБЕДАЮЩЕГО

После 25-ти летнего юбилея со дня выхода в свет «Губернских очерков» М. Е. Салтыкова-Щедрина студенты Н-ского университета ежегодно отмечали этот день товарищеским обедом. На очередном их собрании кто-то предложил послать талантливому сатирику студенческое приветствие и поздравление. Эту идею приняли единодушно. Немедленно составили телеграмму с подходящим текстом и общей подписью: «Ежегодно обедающие студенты».

Спустя два часа от Щедрина пришёл ответ: «Благодарю. Ежедневно обедающий Щедрин».

ИМПРОВИЗАЦИЯ ЧЕРНЫШЕВСКОГО

Николай Гаврилович Чернышевский (1828 – 1889) в годы ссылки в далеком Забайкалье нередко участвовал в чтениях, проводившихся в камерах заключенных. Он обычно приходил с толстой тетрадью, раскрывал её и читал свои новые повести с массой действующих лиц и приключений, с отступлениями научного характера.

Всё читанное им было совершенно в стилистическом отношении. Автор читал спокойно, плавно, внимательно глядя в тетрадь и переворачивая её страницы. Один из слушателей, заглянув через плечо чтеца, увидел, что в тетради не было написано ни единого слова! Николай Гаврилович добродушно мистифицировал слушателей изумительными импровизациями.

СЛЁЗЫ ЛЬВА ТОЛСТОГО

Софья Андреевна Толстая рассказывала, что Лев Николаевич Толстой (1828 – 1910) во время работы над эпопеей «Война и мир» однажды вышел из своего кабинета весь в слезах.

Его спросили:

– Что случилось?!

Махнув рукой, он досадливо ответил:

– Да что вы понимаете?.. У меня только что умер князь Болконский...

СТАРИК В ТУЛУПЕ

Как-то в редакцию журнала «Русская мысль» зашёл старик в тулупе и меховой шапке и подал секретарю рукопись рассказа крестьянского писателя Сергея Терентьевича Семёнова. Секретарь обещал ответ недели через две.

В назначенное время старик явился в редакцию, секретарь попросил его подождать, а сам ушёл в кабинет редактора, откуда доносился оживлённый разговор.

Беллетристику в «Русской мысли» вёл тогда Александр Михайлович Ремизов. Секретарь доложил ему, что старик пришёл за ответом о рассказе Семёнова.

– Да, да... Я прочитал. Пусть подождёт. Сейчас я выйду.

Прошло часа полтора. Разговор в кабинете редактора продолжался. Секретарь напомнил:

– Этот старичок дожидается.

– Да, да. Сейчас приду, – сказал Ремизов.

Прошло ещё немного времени. Секретарь в третий раз напомнил о старике. Ремизов схватил рукопись и вышел:

– Где этот старичок?

Старик поднялся с дивана.

– Это вы – Семёнов? Мы прочитали рассказ.

Ремизов внимательно взглянул на старика и онемел: перед ним стоял сам Лев Николаевич Толстой! Это он два с лишком часа покорно сидел в углу, ожидая приёма у редактора, чтобы просить о напечатании рассказа Семёнова.

Жалея растерявшегося редактора, Лев Николаевич виновато сказал:

– Да нет, ничего... Я тут отдыхал...

КРЫСЫ СТРАШНЕЕ ПУЛЬ

Лев Николаевич Толстой ужасно боялся крыс. Во время Крымской войны, сидя в ложе-ментах, он один раз увидел крысу и, спасаясь от неё, выскочил наружу и побежал на бастион под ураганным огнём неприятеля.

«ПОГОДИ, ДУШЕЧКА, РОЖАТЬ»

В жизни Льва Николаевича Толстого число 28-е имело как бы фатальное значение. Великий писатель родился 28-го августа 1828 года. Старший сын его, Сергей Львович, родился тоже 28-го числа.

27-го ночью приспело время Софье Андреевне родить этого сына. Лев Николаевич приходил к роженице и уговаривал её:

– Погоди, душечка, рожать: ещё нет 28-го!

А в 4 часа утра 28-го Софья Андреевна благополучно разрешилась от бремени.

ПОШУТИЛИ

Лев Николаевич Толстой любил иногда пошутить. Однажды в большом зале-столовой Ясной Поляны собрались к обеду многочисленные гости и члены семьи Толстого. Только где-то замешкалась старая графиня. Лев Николаевич вдруг предложил:

– Давайте удивим Софью Андреевну: спрячемся все под стол.

И сам первым полез туда. За ним и все прочие. Длинная и широкая скатерть скрыла их.

Вошла в зал графиня и удивилась: никого нет! Вскрикнула:

– Где же Лев Николаевич и все остальные?!

Шутники со смехом вылезли из-под стола.

ВЕРХОМ НА ДЯДЕ СТЁПЕ

Шурин Л. Н. Толстого, Степан Андреевич Берс, был здоровенным детиной. Лев Николаевич, уже пожилой, нередко, подойдя к «дяде Стёпе» сзади, моментально вскакивал ему на плечи, и тот с удовольствием катал писателя рысцой по комнате.

ПОЧЁТ ГЕНИЮ

В 1884 году Л. Н. Толстой посетил своего друга, великого художника Николая Николаевича Ге, в его доме на хуторе Плиски, вблизи Ивангорода Черниговской губернии. Однажды, обозревая окрестные сёла, Лев Николаевич зашёл в школу. С разрешения учителя посидел в классе, послушал урок. Потом тихо, незаметно ушёл.

Учитель, поздно догадавшись, что посетитель был Лев Толстой, вместе с учениками пустился догонять писателя, но тот где-то исчез. Как в землю провалился! Вернувшись в класс, учитель и его питомцы целовали стул, на котором сидел Лев Николаевич.

Узнав об этом случае, Н. Н. Ге восторженно говорил многим:

– Вот так любят и чтят гения простые сердца!

КАЗНЬ КОМАРА

На одном обеде у Льва Николаевича Толстого рядом с хозяином сидел его друг – Чертков. Обедали на террасе. Было жарко. Комары носились в воздухе, пищали, жалили лица, руки и ноги обедающих.

Шла веселая застольная беседа, все острили, шутили, смеялись. Вдруг Лев Николаевич взглянул на Черткова и шлёпнул по его лысине: это он казнил комара, от которого осталось кровавое пятнышко.

Чертков нахмурил брови и укоризненно посмотрел на Толстого:

– Что вы наделали, Лев Николаевич?! Вы лишили жизни живое существо! Как вам не стыдно!

Лев Николаевич смутился. Веселье стихло.

ОТКРОВЕННОСТЬ

Антон Павлович Чехов посетил Льва Николаевича Толстого в Гаспре. Они беседовали о многом. На прощанье Чехов подал Толстому руку. Тот задержал её и сказал:

– Поцелуйте меня!

И сам поцеловал Антона Павловича. А затем сунулся к его уху и энергичной старческой скороговоркой изъяснился:

– А всё-таки пьес ваших я терпеть не могу. Шекспир скверно писал, а вы – ещё хуже.

РАЗГОВОР НА ВЫСОКУЮ ТЕМУ

Сын Л. Н. Толстого Илья Львович привёз к отцу своего приятеля фотографа Ф. Т. Протасевича. Думая, что с великим писателем-философом надо вести разговор на высокие темы, фотограф спросил:

– Скажите, Лев Николаевич, есть Бог или нет?

Толстой помолчал, а потом, улыбаясь, заговорил:

– Вы видели когда-нибудь микроскоп?

– Видел.

– И что же вы в нём видели?

– Видел в капле воды инфузории.

– Что, если бы одну из этих козявок спросили, есть в Калуге фотограф Протасевич, что бы она на это ответила?

ЗАГАДОЧНЫЕ ФАКТЫ

Поразительно, что многие знаменитые писатели дают о других авторах-классиках крайне дурные отзывы.

И. С. Тургенев рассказывал Льву Толстому:

– Раз у Виардо были гости, и должен был приехать Жюль Верн. Все с нетерпением его ждали. И представьте, это оказался самый глупый человек во Франции!

Известно, что сам Лев Николаевич ни во что не ставил Шекспира и других корифеев художественной литературы. Так о Жорж Занд он судил:

– Отвратительная женщина! Я не понимаю её успеха.

Толстому возразила его сестра – Мария Николаевна:

– Нет, у неё есть хорошие вещи. Вот, например, «Консуэло».

При этом имени Лев Николаевич сделал брезгливую гримасу:

– Нет, нехорошо. Всё фальшиво, дурно, скучно... Я никогда не мог читать.

НЕУТОМИМЫЙ КНИГОИЗДАТЕЛЬ

Флорентий Фёдорович Павленков (1839 – 1900) получил военное образование в кадетских корпусах и Михайловской артиллерийской академии. В студенческие годы увлёкся идеями декабристов, революционных демократов-шестидесятников. В военном ведомстве прослужил около 5 лет. В 1866 году вышел в отставку и всю свою дальнейшую жизнь посвятил народному просвещению.

За 35 лет издательской деятельности Флорентий Фёдорович выпустил 750 прекрасных книг (тиражом более 3,5 млн.), в том числе 200 биографий выдающихся людей, отечественных и зарубежных, чем положил начало серии «ЖЗЛ», по предложению А. М. Горького продолженной в советское время.

В издательстве Павленкова впервые в России увидели свет «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельса, сочинения В. Г. Белинского, А. И. Герцена, Д. И. Писарева. За революционность содержания некоторые издания Павленкова были сожжены царскими цензорами, а сам он более 10 лет просидел в крепости, тюрьме и ссылке.

Несколько десятков лет рядом Флорентий Фёдорович неустанно трудился над созданием знаменитого однотомного Энциклопедического словаря, вышедшего 7 раз. Это «любимое детище» автора было в России досель невиданной маленькой народной энциклопедией, проникнутой духом протеста против самодержавно-помещичьего строя.

Цены своим изданиям Ф. Ф. Павленков довёл до предельной дешевизны. Например, его «Наглядная азбука для самообучения грамоте» стоила одну копейку. Так она и называлась: «Азбука-копейка».

Все доходы от своего предприятия Павленков завещал отдать на организацию 2000 сельских библиотек.

Похоронили Флорентия Фёдоровича в Петербурге, на Волковом кладбище. На одной стороне памятника на его могиле выгравирована надпись: «ФИЗИКА – А. ГАНУ», а на другой – «ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ», т. е. названия первой и последней книг, изданных истовым ревнителем народного просвещения.

УМНЫЙ КОТОФЕИЧ

Литературный критик, публицист, социолог и философ Николай Константинович Михайловский (1842 – 1904) очень любил своего большого пушистого серого кота.

Когда писатель работал, около него неизменно сидел этот Котофеич и мурлыкал длинную успокоительную песню. И прерывал он её лишь тогда, когда Николай Константинович клал перо.

ВЫШЕЛ, ПОМОЛЧАЛ И ВЕРНУЛСЯ

Писатель Глеб Иванович Успенский (1843 – 1902) до конца жизни не мог преодолеть застенчивости. Друзья с трудом уговорили его однажды выступить с ними на благотворительном литературном вечере. Он согласился прочесть свой новый очерк.

Когда подошла его очередь читать, он вышел на сцену, глянул в переполненный публикой зал – и обомлел от страха. Постоял, постоял молча, повернулся и ушёл за кулисы.

«СВЕЩА»

Известный юрист, поборник суда правого в дореволюционной России, почетный академик, сенатор, писатель, непревзойдённый оратор Анатолий Фёдорович Кони (1844 – 1927) чистосердечно принял Октябрьскую революцию.

В годы голода и разрухи он, престарелый и больной, прочёл в аудиториях Петрограда около тысячи лекций. Люди разных чинов, званий и возрастов слушали его чтения с затаенным дыханием.

По просьбе студентов Наркомпрос предоставил ему лошадь, бричку и кучера. Кучер, прослушав одну лекцию Анатолия Фёдоровича, потом аккуратно посещал их все. И просто-душно выразил ему своё восхищение:

– Ты, брат, вижу, свеща! (свеча – А. Т.)...

В 1921 году, в день рождения А. Ф. Кони, слушатели поднесли ему самый драгоценный тогда подарок – белый хлеб. Растроганный лектор сказал:

– Эта награда – лучшая из всех, полученных за всю мою жизнь.

«КАПИТАЛ» МАРКСА В ТЮРЬМЕ

В тюрьму, где сидел В. Г. Короленко (1853 – 1921), политическим заключённым принесли передачу – книги, среди которых был и «Капитал» Карла Маркса. Строгий смотритель тюрьмы вначале не хотел пропускать эту толстую книгу. Но арестанты убедили тюремщика, что это самая поучительная книга для тех, кто хочет нажить капитал. Тогда страж узилища похвалил книгу, и она беспрепятственно попала к заключенным.

ЗЛАТОУСТ ОБМИШУЛИЛСЯ!

В «Истории моего современника» В. Г. Короленко между прочим рассказал, как тюремный священник, любитель красноречия, произнёс перед уголовными арестантами слово по случаю неудачного покушения революционера А. К. Соловьёва на Александра II.

«При этом, – писал Владимир Галактионович, – с тюремным священником произошло неприятное ораторское приключение. Выйдя на амвон, чтобы объяснить повод благодарственного молебна, вперёд настроившись на патетический лад, он начал громко и в приподнятом тоне:

– Дорогие братья! Вот и ещё одно священное покушение на злодейскую особу его императорского величества...»

ВОРОНА-КОРОНА-КОРОВА

Владимир Галактионович Короленко рассказывал В. В. Вересаеву:

– В одной одесской газете в описании коронации Николая II было напечатано: «Митрополит возложил на голову его императорского величества ворону».

В следующем выпуске газеты появилась заметка: «В предыдущем номере нашей газеты, в отчёте о священном короновании их императорских высочеств, вкралась одна чрезвычайно досадная опечатка. Напечатано: «Митрополит возложил на голову его императорского величества ворону», читай: «корову».

СПАСАЯСЬ ОТ ФОТОГРАФОВ

Владимир Галактионович Короленко не любил сниматься, фотографы охотились за ним. Одному из них повезло: он застигнул «жертву» в узком переулке, нацелил фотоаппарат и хотел уже щёлкнуть, но Короленко мгновенно закрыл портфелем лицо и пышную бороду. А затем шмыгнул в боковую калитку.

ЧРЕЗМЕРНАЯ ЩЕПЕТИЛЬНОСТЬ

Профессор русской литературы, главный редактор журнала «Мир божий» Ф. Д. Батюшков не выносил неприличных слов. На произведение Н. Н. Брешко-Брешковского «Опереточные тайны» А. И. Куприн написал рецензию, в которой употребил пословицу «Чёрного кобеля не отмоешь добела». Фёдор Дмитриевич нашёл, что слово «кобель» в солидном журнале недопустимо. Исправил фразу так: «Чёрного... не отмоешь добела».

Рассказали об этом В. Г. Короленко. Тот рассмеялся:

– На Фёдора Дмитриевича это похоже. Он иногда уподобляется питомицам института благородных девиц. Когда у меня было расстройство желудка, один наш близкий знакомый спросил, что со мной. Фёдор Дмитриевич решил, что слово «живот» произносить неприлично и сказал: «У Владимира Галактионовича болит „Ж“!»!

ВЕЗДЕСУЩИЙ РЕПОРТЁР

Владимир Алексеевич Гиляровский (1853 – 1935) более полувека находился на гребне русской литературной и общественно-политической жизни. Кого он только не знал из своих современников, где он только не бывал, каких только случаев с ним не приключалось.

Всюду его появление приносило свет, радость и бескорыстную помощь. Если бы кто-нибудь даже протокольно описал жизнь этого богатыря, жизнелюба, весельчака, мудреца, певца и защитника униженных и оскорблённых, – то вышло бы захватывающее повествование.

ВРЕДНЫЕ ХИМИКАЛИИ

На спичечной фабрике в районе Егорьевска и Гуслиц в производстве применялись весьма вредные химикалии, от которых у рабочих выпадали зубы, кровоточили дёсна, раздражалась кожа. Многие рабочие погибли. После разоблачительной статьи В. А. Гиляровского в «Русских ведомостях» спичечное производство в этом районе закрыли.

СОЖЖЕНИЕ КНИГИ «ТРУЩОБНЫЕ ЛЮДИ»

В. А. Гиляровского прозвали «королём репортёров». Изучив досконально быт тех, кто оказался на дне общества, он нарисовал их в книге «Трущобные люди». Книга звала к уничтожению несправедливого общественного порядка. В ней рассказывалось об ужасах эксплуататорского самодержавно-капиталистического строя, обрекавшего на унижения и нищету миллионы одарённых людей.

По распоряжению царской цензуры весь тираж этой книги был сожжён до выхода в свет. Но рабочие типографии, где она печаталась, кое-как собрали из бракованных листов один экземпляр и поднесли автору. Гиляровский написал на нём: «Первый и последний экземпляр».

ВЫСТАВКА «ОСЛИНЫЙ ХВОСТ»

Будучи убеждённым реалистом в искусстве, Владимир Алексеевич Гиляровский не терпел декадентов. На московской художественной выставке «Ослиный хвост» его особенно возмутила картина «Голубое в зелёном». В ней ничего нельзя было понять.

Воспользовавшись малым количеством посетителей, Гиляровский взобрался на стул и быстро перевесил картину вниз изображением. В таком положении она висела до закрытия выставки. И никто не обратил на это внимания.

ХИТРЫЙ ЭКСИЛИБРИС

Владимир Алексеевич Гиляровский сильно огорчился, когда ему не возвращали книги, взятые для прочтения. Чтобы избавиться от этой беды, он на каждой своей книге поставил экслибрис: «Эта книга украдена из библиотеки В. А. Гиляровского». Надпись помогла: книги возвращались.

ЭКСПРОМТЫ

В. А. Гиляровский был наделён от природы искромётным остроумием. Сидя в приятельском кругу, он исписывал экспромтами все скатерти. На одной вечеринке друзья предложили сочинить на слова «урядник» и «море» экспромт. Немного подумав, Владимир Алексеевич продекламировал:

Синее море, волнуясь, шумит,
У синего моря урядник стоит,
И злоба урядника гложет,
Что шума унять он не может.

Широкую известность получил экспромт Гиляровского, сочиненный по поводу первого представления драмы Л. Н. Толстого «Власть тьмы»:

В России две напасти:
Внизу – власть тьмы,
А наверху – тьма власти.

По случаю открытия в Москве памятника Н. В. Гоголю состоялся большой литературный вечер. Кто-то предложил провести конкурс на лучший экспромт о памятниках Пушкину и Гоголю. Победил, конечно, Гиляровский, тут же сочинив:

Гоголь, сгорбившись, сидит,
Пушкин Гоголем глядит.

ДВЕ КОЧЕРГИ ДЯДИ ГИЛЯЯ

В. А. Гиляровский как-то схватил печную кочергу и, как верёвку, завязал её в узел. По совету А. П. Чехова, эту кочергу повесили на крышке отдушины голландской печки, чтобы многочисленные посетители квартиры Гиляя видели физическую мощь хозяина.

Сделал Владимир Алексеевич узел и из второй кочерги. Кто-то из членов семьи упрекнул силача в том, что он портит хозяйственные вещи. Гиляй тут же развязал узел, придав кочерге нормальный вид. Эта кочерга стояла «на память» в передней квартиры писателя, возле жёлтого дивана, на котором любил сидеть Л. Н. Толстой, часто навещавший Гиляровского.

СИЛАЧ

Иногда Владимир Алексеевич Гиляровский любил повеселить друзей, показывая им свою богатырскую силу. В доме А. П. Чехова в Мелихове он, бывало, посадит в тачку хозяина и ещё кого-нибудь из мужчин – и возит их по аллее.

В гостях, сидя за столом, он скручивал винтом обеденную или чайную ложку, сгибал пополам двугривенный.

Довольно полный и тяжеловесный В. М. Дорошевич (1864 – 1922) сидел в редакции «Русского слова» и работал. И вдруг поднялся в воздух вместе с креслом.

– Не бойся! – успокоил его шутник, поставил кресло на место и представился: – Гиляровский.

ЗАПОНКИ ЧЕХОВА

Писатель Н. И. Морозов дал В. А. Гиляровскому на отзыв свой рассказ «Чернильная команда». Произведение было одобрено и послано в альманах, который редактировал А. В. Амфитеатров. Владимир Алексеевич радовался за своего друга и подарил ему драгоценные запонки для манжет. Эти запонки походили на большие перламутровые пуговицы, к которым были прикреплены платиновые диски с выгравированным на них портретом Антона Павловича Чехова.

– Эти запонки, сказал Гиляровский Морозову, – незадолго до своей смерти подарил мне Антоша Чехов, а я дарю их тебе за твои литературные достижения. Желаю тебе успеха.

СОЛЁНЫЙ АРБУЗ

А. П. Чехов (1860 – 1904) и В. А. Гиляровский ехали на извозчике по Страстной площади в Москве. Около овощного магазина остановились, купили солёный арбуз.

От держания арбуза на холоде у Чехова замерзли руки. Гиляровский предложил бросить арбуз.

– Зачем бросать? – возразил Антон Павлович. – Вот городской стоит, отдай ему, он съест. Гиляровский поманил к себе пальцем городского:

– На, держи, только осторожно...

Чехов, перебивая Гиляровского, трагическим шёпотом предупредил городского:

– Осторожно, это бомба... Неси её в участок.

– Да не урони, гляди, – добавил Гиляровский.

– Понимаю, вашевскородие.

От страха у городского стучали зубы...

На следующий день «шутники» узнали, что их «бомба» произвела в участке целый переполох. Чиновники, боясь взрыва, разбежались. Собралась толпа. Явились агенты охранного отделения. Вызвали офицера-специалиста по взрывчатым снарядам. Общий страх был понятен: ведь тогда террористы часто делали покушения на слуг самодержавия...

Но вот во двор полицейского участка въехали пожарные. Им сообщили о причине паники. Старик-брандмейстер бросился к «бомбе». Через минуту он вышел к публике, оборвал остатки мокрой бумаги с солёного арбуза и понёс его к себе домой. Ел и похваливал:

– Наш, донской, полосатый... Давно такого не едал...

«НОВОЯВЛЕННАЯ ЗВЕЗДА»

Писатель и журналист Николай Александрович Лейкин издавал с 1880 года юмористический журнал «Осколки». Желая склонить к сотрудничеству А. П. Чехова, он похвалялся ему, что в этот журнал недавно прислал замечательный рассказ молодой, ещё неизвестный, но очень даровитый юморист, и что он, Лейкин, пригласил его для личных переговоров. А. П. Чехов попросил Лейкина дать ему прочесть хвалёного юмориста. Оказалось, что это был добросовестно переписанный ранее опубликованный рассказ Антона Павловича! Под рукописью стояла никому неизвестная фамилия...

УБИЙСТВЕННАЯ РЕПЛИКА

Какой-то горе-литератор напечатал про Антона Павловича Чехова пасквильные стишки, назвав его в них ветеринарным врачом. Писатель ответил ему кратко»: «Но я не имел чести лечить вас».

РЕДКИЙ ПРИМЕР

Пьесы «Чайка» А. П. Чехова и «Цена жизни» В. И. Немировича-Данченко были одновременно представлены на соискание Грибоедовской премии. Её присудили «Цене жизни», но автор считал это решение судей несправедливым и просил отдать премию Чехову. Жюри отклонило просьбу Владимира Ивановича, но она являет собой редкий пример благородства, объективности и самоотречения в оценке художественных произведений.

УРОК, ПРЕПОДАННЫЙ НА БОКАХ

Поэт Константин Дмитриевич Бальмонт (1867 – 1942) беззастенчиво хвастался знанием многих иностранных языков. Но владел ими очень плохо. И оттого не раз попадал впросак. А в Париже его даже побили за незнание французского языка. Было это так.

Он шёл с дамой позади двух полицейских и громко укорял её:

– Ваш хитрый взор, ваш лукавый ум!..

Полицейские подумали, что это он про них орёт.

Французское слово «ваш» означает «корову». Оно – самая оскорбительная для полицейских кличка, подобная русской кличке «фараон».

И парижские блюстители порядка преподали Бальмонту на его боках памятный урок французского языка!..

ЗАДИРА

Поэт К. Д. Бальмонт был фанфароном и задирой. За это ему доставалось на орехи. В Одессе он пошёл купаться с И. А. Бунинным и А. М. Фёдоровым. Писатели разделись и зашагали к воде. Навстречу им шёл огромного роста босяк. Бальмонту взбрело в голову гаркнуть ему:

– Дикарь! Я вызываю тебя на бой!

Босяк смерил забияку мрачным взглядом, сгрёб его в охапку и, как щенка, швырнул в колючие прибрежные заросли. Наш рыцарь печального образа вылез оттуда весь окровавленный!

СВЁРТОК ВЕРЕСАЕВА

Грянула Великая Отечественная война...

Вместе с другими коллегами писатель Марк Ефетов в то время находился в Малеевке, в Доме творчества литераторов. Прослушав по радио заявление Советского правительства, писатели поехали из Малеевки в Москву.

У Никитских ворот Ефетов случайно встретил Викентия Викентьевича Вересаева (1867 – 1945). Бледный и растерянный он держал под мышкой большой свёрток и жаловался:

– Не знаю, что и делать, Марк Семёнович... Вот полдня ношу, нигде не берут... Не могу придумать, куда отдать...

– Что это? – заинтересовался Ефетов, взвешивая на руке тяжёлый свёрток.

– Здесь всё наше серебро... Фамильное... Хочу отдать государству... Подумайте: началась такая война!..

По совету Ефетова, серебро было сдано Госбанку на Неглинной.

ЛЕКЦИЯ ГОРЬКОГО О ТОЛСТОМ

Алексей Максимович Горький (1868 – 1936) в 1920 году в Аничковом дворце в Петрограде читал лекцию о Толстом. Резко обличал он ошибки Льва Николаевича. Но когда дошёл до рассказа о смерти великого писателя, не мог произнести слов: «Толстой умер», – только беззвучно шевелил губами и плакал. Удалился в артистическую. Стоя у окна, теребил папиросу и плакал. Публика несколько минут молчаливо ожидала его возвращения на кафедру.

«ДЕРЕВЯННЫЙ АЛЬБОМ»

А. И. Куприн (1870 – 1938) завёл у себя дома «деревянный альбом» – простой березовый некрашенный стол. На нём литераторы-гости записывали по несколько строк: экспромты, шутки, остроты.

Весь исписанный «деревянный альбом» Куприн взвалил на спину и отнёс одному любителю русской литературы. Это был драгоценный подарок имениннику.

«Деревянный альбом» А. И. Куприна ныне хранится в Пушкинском доме.

КАК СОЗДАВАЛСЯ «ПОЕДИНОК»

В творческой истории романа А. И. Куприна «Поединок» благотворную роль сыграла жена автора Мария Карловна. Писатель всегда считался с её мнением о литературе.

Когда они поженились, «Поединок» был только начат. Писатель затягивал работу над ним. Тогда жена поставила ему ультиматум:

– Переезжай на другую квартиру. Я тебе не жена до тех пор, пока ты не окончишь «Поединка».

Покорный муж снял себе комнатку на другой улице и стал усиленно писать продолжение романа. Закончив очередную главу, он стремглав нёсся на квартиру Марии Карловны. Она приоткрывала дверь, брала просунутую рукопись, прочитывала её и лишь после этого впускала Александра Ивановича.

А один раз он обманул-таки её: подсунил старый отрывок, который она уже читала. Обман был обнаружен. И с того дня Мария Карловна с особым вниманием вчитывалась в каждое слово, чтобы не опростоволоситься.

Эту историю супруги рассказали своим друзьям только тогда, когда «Поединок» был опубликован.

ОКРАШЕННЫЙ ЖЕНИХ

Александр Иванович Куприн был охоч до саркастических шуток. Иногда его издёвки носили характер политической мести царским чиновникам.

Ему давно и хорошо был известен один смотритель одесской тюрьмы – оголтелый черносотенец и погромщик. Состарившись, этот седой развратник приехал в декабре 1905 года в Петербург.

А. И. Куприн, жадно и подолгу наблюдавший человеческое отребье, встретился с ловеласом в кабачке. Выпили. Разболтались. Мужичок поведал писателю тайну, что намерен в столице жениться, но стыдится своей седины. Александр Иванович порекомендовал ему чудодейственное заграничное средство для окраски волос в чёрный цвет. И повёл обрадованного селадона в номер гостиницы. Здесь Куприн достал из под дивана жестяную банку с вонючей зелёной масляной краской. Сунул в неё малярную кисть и обмазал голову тюремщика. Тот, взглянув в зеркало, взревел:

– Зелёная!!

– Ничего – через час почернеет, – успокоил его «косметолог».

Опьяневший старик крепко заснул, а ночью завопил от боли: высохшая краска стягивала кожу на его голове. Побежал «жених» в парикмахерскую, но там отказались брить его. Краску едва смыли керосином и только потом побрили одесского гостя. Но тут выяснилась новая беда: вся голая голова тюремщика оказалась покрытой безобразными пятнами! Куприн злорадно смеялся:

– Ну, что ж! Поздравляю! Настоящий глобус – Австралия! Новая Гвинея! Италия!

Обезображенный «жених» дал тягу. Александр Иванович вслед ему крикнул:

– Сволочь! Полицейская гнида!

СПИРИТИЧЕСКИЙ СЕАНС

В поисках интересных человеческих типов и острых впечатлений Александр Иванович Куприн взял себе помощника и собутыльника – Маныча, мрачного, молчаливого верзилу. Он неотлучно сопровождал своего патрона.

В то время в «высших сферах» Петербурга свирепствовала эпидемия спиритизма. Александр Иванович, желая подурочить знакомых, страдавших этим суеверием, объявил себя гипнотизёром и медиумом. Он уверял простофиль, что легко может, по желанию публики, вызвать дух любого покойника.

Маныч был его ассистентом в «астрально-спиритическом сеансе», проведенном в квартире писателя А. И. Свирского.

Голоса вызванных духов передавал Маныч. Этих голосов было так много, что имитатор их в конце сеанса охрип и едва сипел. Но авантюра была выполнена столь артистично, что поэтесса Изабелла Гриневская и другие гости этого дома искренне поверили в происходившее.

ИНТЕРВЬЮ В БАНЕ

Один надоедливый одесский репортёр спросил у Куприна:

– Где я мог бы взять у вас интервью?

– Приходите сегодня же в Центральные бани... Не позже половины седьмого.

Встреча состоялась. Голый писатель изложил голому же репортёру свои литературные взгляды и планы. После собеседники похвостали друг друга намыленным веником...

Приятель спросил потом у Куприна:

– И как тебе в голову пришла такая дикая мысль?!

Писатель засмеялся:

– Почему же дикая? Ведь у репортёра были такие грязные ногти и уши, что я воспользовался редкой возможностью снять с него копоть и пыль!

ДУРАК!

Писатели А. И. Куприн и С. Н. Сергеев-Ценский впервые встретились в Алуште. Встреча произошла при весьма комических обстоятельствах. Жена Куприна Мария Карловна послала с мальчиком к Ценскому записку, в которой выражала своё и мужа желание познакомиться с ним.

Мальчик, увидев шедшего навстречу Сергея Николаевича, закричал Марии Карловне:

– Тётя, вот он сам идёт!

Прочитав записку, Ценский круто повернулся и зашагал обратно. Мария Карловна погналась за ним с криком:

– Сергей Николаевич!

А он ускорил шаги. Мария Карловна продолжала погоню. Наконец, устала, присела на низенький каменный заборчик и крикнула во весь голос:

– Дурак!

Ценский остановился, захохотал и стал медленно приближаться к Куприной.

– Почему вы бежали?! – спросила она.

– Почувствовал робость перед издательницей толстого журнала!

– Что за глупость! А как вы меня узнали?

– Догадался. Сейчас на набережной познакомился с Александром Ивановичем.

БУРНАЯ РЕАКЦИЯ НА КРИТИКУ

Зимой 1906 года А. И. Куприн с женой жили в Петербурге. В один из декабрьских дней они пригласили к себе на обед гостей. Среди них был и С. Н. Сергеев-Ценский.

После обеда Куприн читал своего «Штабс-капитана Рыбникова». Ценскому рассказ показался незаконченным и он заметил:

– Это все равно, как если бы вы подали к столу только хвост или одну голову селёдки.

Куприн, не терпевший критики его произведений, сдёрнул со стола скатерть и бросил на пол всю сервировку.

КУПРИНСКИЕ ПАРОДИИ

Как-то в праздничный день 1906 года А. И. Куприн был особенно весел и написал три пародии, посвящённые И. А. Бунину, М. Горькому и С. Скитальцу. Когда автор диктовал жене эти пародии, в комнату вошёл Илья Василевский, редактор газеты «Понедельник». Куприн предупредил его:

– Не мешай, сейчас кончим...

Прослушав все пародии, Василевский воскликнул:

– Вот видите, я предчувствовал, что мне нужно к вам зайти.

– Это шутки, – сказала Мария Карловна. – Александр Иванович не собирается печатать их.

Нет, почему же? – улыбался Куприн. – Сколько дадите? Двести рублей дадите?

– За штуку?

– Да.

И редактор выложил на стол 600 рублей.

Возьми, Маша, – сказал Александр Иванович жене. – Купишь себе разной хурды-мурды.

Так купринские пародии появились в газете «Понедельник».

ЗАРАБОТАННЫЙ ДВУГРИВЕННЫЙ

Мужиковатая внешность писателя Алексея Силыча Новикова-Прибоя (1877 – 1944) иногда бывала причиной смешных происшествий с ним. Об одном из них автор «Цусимы» рассказал автору этих строк.

Его пригласили выступить на литературном вечере. В прихожей не оказалось швейцара: куда-то отлучился. Писатель повесил своё пальто на крючок вешалки и стал приглаживать лысину. Вошедшая изящная дама сняла демисезон и небрежно кинула на руку Алексею Силычу, приняв его за швейцара. Он повесил его на крючок и выдал даме номерок. Она сунула ему двугривенный.

Подходят к вешалке другие посетители и тоже подают одежду писателю. Он покорно принимает её, вешает и получает на чай. Явился швейцар и прогнал Силыча вон!

Начался вечер. Предоставили слово А. С. Новикову-Прибою. Подойдя к рампе, он увидел в первом ряду ту самую изящную даму, которая первой дала ему в прихожей двугривенный. Она узнала его и крайне смутилась. В перерыве подходит к нему и просит извинить за оскорбление. Просит и возврата двугривенного. Алексей Силыч, смеясь, отвечает:

– Ничуть вы меня не оскорбили... А двугривенный не отдам – я его заработал!

ДОКТОРСКАЯ МАНТИЯ

Корней Иванович Чуковский (1882 – 1969) имел обыкновение знакомиться со всеми пассажирами, с которыми ему приходилось ездить в вагонах, летать на самолетах, плавать на пароходах.

В 1962 году Оксфордский университет присвоил писателю учёную степень доктора филологии. Чуковский поехал в Англию за получением диплома, пурпурной докторской мантии и торжественного головного убора.

Возвращаясь из Лондона на самолёте, он перезнакомился со всеми спутниками в салоне. Глубокой ночью взрослые пассажиры крепко спали. Не спали – только одна маленькая девочка и Корней Иванович. Он разговорился с девочкой и, желая доставить ей радость, облачился в мантию и ну величественно расхаживать по салону. Девочка, глядя на него, восторженно ахала, заливалась смехом и хлопала в ладошки. Проснувшиеся пассажиры тоже с удивлением смотрели на высокого седого человека в пурпурной мантии и думали: уж не приведение ли?! Улыбались стюардессы, из-за занавески выглядывал смеющийся легчик.

А Корней Иванович продолжал расхаживать по салону, потешая свою маленькую спутницу.

ЧРЕЗМЕРНАЯ ЩЕПЕТИЛЬНОСТЬ

К. И. Чуковский глубоко понял и полюбил поэзию только после изгнания его из гимназии. Бродя по улицам Одессы, забыв всё на свете, он громко декламировал, например, онегинские строки или монологи из трагедий Шекспира. Тогда за ним тянулась толпа жадных до зрелищ одесситов. Однажды полицейские едва не забрали его в сумасшедший дом...

СВАДЬБА БЕЗ ЦВЕТОВ

В 16-летнем возрасте К. И. Чуковский оставил семью, снял в Одессе комнатку и поселился в ней один. Терпел голод и прочие лишения холостяцкой жизни. Написал оригинальное философское сочинение, в котором блеснул знаниями английского языка и произведений Г. Спенсера, Р. Декарта и других властителей тогдашних дум прогрессивной интеллигенции. Редакция местной газеты заинтересовалась юным автором и напечатала фрагменты из его трактата.

После этого в газете часто появлялись его мелкие заметки и переводы. Тогда и произошло его бракосочетание с Марией Борисовной. И жених, и невеста были голы, как соколы. На их свадьбу пришли товарищи-журналисты. Они принесли много цветов. Выйдя из церкви, Корней Иванович ошаршил их:

– Что мне цветы? Мне деньги нужны!

И сняв шапку, пошёл по кругу друзей собирать подачу. Получилась изрядная сумма. К тому же, Владимир Галактионович Короленко, ценя литературный талант Корнея Ивановича, значительно увеличил её.

На собранные деньги Чуковский впервые отправился в Англию.

ВСТРЕЧА ЗНАМЕНИТЫХ ЧУДАКОВ

Это было в редакции «Огонька». Перед редактором Г. А. Ярцевым, спиной к двери, сидел К. И. Чуковский. Внезапно распахнулась дверь, и на пороге её появился И. Л. Андронников. Он мгновенно пал на колени и во весь голос воскликнул:

– Здравствуйте, свет вы наш батюшка Корней Иванович!

Чуковский обернулся, спустился со стула на колени. Отбивая поклоны, чудаки двинулись навстречу друг другу. Ираклий, продолжая кланяться, скороговоркой произносил:

– Благодетель вы наш и учитель...

Видевшие эту сцену сотрудники редакции покатывались со смеху. Сблизившись, чудаки взаимно помогли встать и тут же серьёзно заговорили о своих больших делах: Чуковский – о Н. А. Некрасове, Андронников – о М. Ю. Лермонтове.

МЕСТЬ ДИРЕКТОРУ

Приказ об изгнании К. И. Чуковского из Одесской гимназии был подписан директором её Бургмейстером.

Прошло много лет. Писатель Чуковский стал всемирной известностью и проживал в Куоккале. Туда к нему и явился Бургмейстер с просьбой о помощи в каком-то трудном деле. И они отправились в Петербург к высокому начальству. В пути их застигли мороз и буран. Сани опрокинулись в яму. Корней Иванович вылез из неё и стал было вытаскивать Бургмейстера. А потом вдруг вспомнил: «Он выгнал меня из гимназии. С какой стати я буду помогать ему».

И потопал обратно домой один.

ХОРОВОЙ ОР

На одной из дач посёлка Переделкино проживал известный учёный В. Ф. Асмус с женой. Корней Иванович Чуковский дружил с ними. Как-то в их тихую обитель привёл он З. С. Паперного.

В это время Асмусы занимались своим делом: муж исследовал книгу И. Канта, жена вышивала, а дети с соседскими ребятами бесшумно играли в уголке. Прямо с порога Корней Иванович гаркнул:

– Я вон кого вам привёл!

Асмусы радостно поздоровались с гостем. Чуковский подозвал одного мальчика и спросил его:

– Можешь громко крикнуть?

Мальчик, стесняясь, крикнул вполголоса. Корней Иванович засмеялся:

– А теперь послушай, как я умею кричать!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.